НАУКА РУССКОГО МИРА

научный журнал

- Языкознание (филология)
- Всеобщая история, отечественная история
- Теория литературы и текстология
- Культурология и история мировой культуры

№8-2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА»

Издание ориентировано на публикацию научных изысканий в таких сферах научного знания, как языкознание (филология), всеобщая история, отечественная история (история Российского государства на разных этапах его развития), теория литературы и текстология, культурология и история мировой культуры.

В частности, филологическая тематика представлена в издании работами, раскрывающими проблематику современной лингвистики и лингвокультурологии, а также теории и истории языка; исследований в области литературоведения, теории и истории отечественной и зарубежной литературы, изучения и взаимовлияния литературных и культурных традиций; совершенствования педагогического мастерства и образовательных технологий в школе и вузе; методики преподавания иностранных языков; теоретических и прикладных аспектов изучения речевой деятельности, языка и культуры, способов анализа художественного текста; практики перевода, а также дидактических аспектов переводческой деятельности.

В области культурологии и искусствоведения тематика работ может быть связана с изучением культурологических воззрений, культуро- и антропогенеза, эволюции и типологии культурных форм, механизма формирования систем культурных ценностей, а также выявления роли культурного наследия в жизни общества (в том числе с учетом национального своеобразия и исторического контекста) и т. д.

В части исторических исследований проблематика очерчивается широким кругом вопросов, касающихся анализа различных периодов мировой и отечественной истории, становления и развития цивилизационных форм, эволюции международных отношений, роли личности в истории, генезиса социальных процессов и политической культуры и пр.

Проблемы истории и теории литературы и искусства раскрываются через анализ всего спектра разновидностей духовной деятельности человека (религиозной, философской, художественной), изучение поэтики художественных произведений (стиля и техники автора), выявление специфики художественного метода, жанрового своеобразия отдельных авторов и художественных школ на различных этапах исторического развития мирового искусства.

Читательская аудитория: представители академической науки – вузовских научных школ, профессорско-преподавательского состава и научно-исследовательских учреждений, независимые исследователи, молодые ученые (в том числе, аспиранты, соискатели, магистранты), а также студенты вузов и средних специальных учебных заведений России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Журнал «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА» издается с 2011 года.
Периодичности издания: шесть раз в год.

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна

Издатель: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»

Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1

Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289

Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ

ISSN электронного сетевого издания 3034-1337

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.

Языки: Русский, английский

НАПРАВЛЕНИЯ И РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологическиенауки).
- Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).
- Исторические исследования.
- Литература.
- Культурология.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Лаврикова Ирина Николаевна
Доктор культурологии, доцент, доцент кафедры правовой и гуманитарной подготовки, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Акчурина-муфтиева Нурия Мунировна
Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств АРК, Лауреат Государственной премии РК, профессор кафедры Декоративного искусства, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»

Альбеков Нурвади Насруддинович
Доктор филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков и международной коммуникации Чеченского государственного педагогического университета

Андриевская Светлана Владимировна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры технологии и методики преподавания Учреждения образования "Полоцкий государственный университет" (Республика Беларусь)

Билялова Альбина Анваровна
Заведующая кафедрой, доктор филологических наук (профессор), член диссертационного совета КФУ.10.03, эксперт Аттестационной комисси КФУ по гуманитарному направлениюНабережночелнинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Голикова Татьяна Александровна
Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела факультета, бизнес-технологий РОСНОУ, член союза переводчиков России

Джелилов Ахтем Алиевич
Академик, профессор, доктор филологических наук. Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Долгополова Лилия Анатольевна
Заведующий кафедрой немецкой филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова", доктор филологических наук

Дударева Марианна Андреевна,
доктор культурологии, доктор филологических наук, профессор РГПУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Зяблова Ольга Александровна
Доктор филологических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД России

Иванян Елена Павловна
Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Самарский государственный социально-педагогический университет". Действительный член Международной академии наук педагогического образования, продолжатель научной школы П. А. Леканта, автор «Словаря эвфемизмов русского языка», специалист в области семантики и прагматики языковых единиц, теории эвфемии русского языка

Кремшокалова Марина Чафленовна
Доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино – Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова

Кудинова Таисия Анатольевна
Доктор филологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет, профессор кафедры педагогики; Луганский государственный педагогический университет, профессор кафедры романо-германской филологии

Лелис Елена Ивановна
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Мапельман Валентина Михайловна
Профессор Московского городского педагогического университета (профессор, доктор философских наук)

Минералова Ирина Георгиевна
Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков, Московский педагогический государственный университет (Москва)

Павлова Елена Касимовна
Доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова МГУ (Москва)

Похилько Александр Дмитриевич
Доктор философских наук, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Семенова Елена Михайловна

Доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Институт языковых коммуникаций и психологии, профессор кафедры Лингвистики и переводоведения

Сложеникина Юлия Владимировна

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии, Университет «Синергия» (Москва)

Соловьев Владимир Михайлович

Историк, культуролог, доктор исторических наук, профессор, специалист по отечественной истории и культуре. Профессор кафедры мировой культуры в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), является ассоциированным сотрудником Социологического института РАН и сотрудником Международного центра изучения русской при Институте философии Санкт-Петербургского университета

Шкунов Владимир Николаевич

Доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель школы Российской Федерации, Член Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН

*****

EDITOR-IN-CHIEF

Lavrikova Irina Nikolaevna
Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Legal and Humanitarian Training Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot

EDITORIAL BOARD

Akchurina-muftieva Nuriya Munirovna
Doctor of Art History, Professor, Honored Artist of the Republic of Crimea, Laureate of the State Prize of the Republic of Kazakhstan, Professor of the Decorative Arts Department, Crimean Engineering Pedagogical University

Albekov Nurvadi Nasruddinovich
Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages and International Communication of the Chechen State Pedagogical University

Andrievskaya Svetlana Vladimirovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Technology and Teaching Methods of the Polotsk, State University Educational Institution (Republic of Belarus)

Bilyalova Albina Anvarovna
Head of the Department, Doctor of Philology, professor, member of the Dissertation Council of KFU.10.03, expert of the KFU Attestation Commission for the Humanities, the Berezhnochelninsky Institute (branch), Kazan (Volga Region) Federal University

Golikova Tatyana Alexandrovna
Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Publishing, Faculty of Business Technologies, ROSNOU, member of the Union of Translators of Russia

Dzhelilov Akhtem Aliyevich
Academician, Professor, Doctor of Philology. Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Dolgopolova Lilia Anatolyevna
Head of the Department of German Philology of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Doctor of Philology

Dudareva Marianna Andreevna
Doctor of Cultural Studies, Doctor of Philology, Professor of the Kosygin Russian State Pedagogical University (Technology. Design. Art)

Zyablova Olga Alexandrovna Doctor of Philology, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Ivanyan Elena Pavlovna

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department, Culture of Speech and Methods of teaching them, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Samara State Socio-Pedagogical University". Full member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, a follower of the scientific school of P. A. Lekant, the author of the Dictionary of Euphemisms of the Russian Language, a specialist in the field of semantics and pragmatics of linguistic units, the theory of the euphemism of the Russian language.

Kremshokalova Marina Chaflenovna

Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics of Kabardino – Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Kudinova Taisiya Anatolyevna

Doctor of Philology, Associate Professor, Rostov State Medical University, Professor of the Department of Pedagogy; Lugansk State Pedagogical University, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology

Lelis Elena Ivanovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Mapelman Valentina Mikhailovna

Professor, Doctor of Philosophy, professor of the Moscow City Pedagogical University

Mineralova Irina Georgievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX-XXI centuries, Moscow Pedagogical State University (Moscow).

Pavlova Elena Kasimovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of English for the Humanities, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Pokhilko Alexander Dmitrievich

Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University"

Semenova Elena Mikhailovna

Doctor of Philology, Associate Professor, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Institute of Language Communication and Psychology, Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies

Slozhenikina Yulia Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, Synergy University (Moscow)

Solovyov Vladimir Mikhailovich

Historian, cultural critic, Doctor of Historical Sciences, professor, specialist in national history and culture. Professor of the Department of World Culture at Moscow State Linguistic University, is an associate fellow of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences and an employee of the International Center for the Study of Russian at the Institute of Philosophy of St. Petersburg University

Shkunov Vladimir Nikolaevich

Doctor of Historical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher of the School of the Russian Federation, Member of the Expert Council under the Government of the Russian Federation, Leading researcher at the Volga branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Югай Ксения Сергеевна
К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРАКЦИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ **12**

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ) (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Горбулич Ирина Степановна, Смолина Ольга Владимировна
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ В ОБЛАСТИ МОРСКИХ ГРУЗОВЫХ ПЕРЕВОЗОК **18**

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИК

Артаев Сергей Николаевич, Убушиева Бамба Эрендженовна, Шурунгова Болха Алексеевна, Гаданов Сергей Сергеевич
МОЛЧАНИЕ И ГОЛОС В ОБЩЕНИИ КАЛМЫКОВ **29**

Артаев Сергей Николаевич, Шурунгова Болха Алексеевна, Салыкова Валерия Васильевна, Гаданов Сергей Сергеевич
ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ЭТИКЕТА В РУССКОМ И КАЛМЫЦКОМ РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ **38**

Ли Хуаньхуань
КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПРЕДЛОГОВ НА ПРИМЕРЕ ВРЕМЕННОЙ ПРОТЯЖЕННОСТИ **46**

Мирзабекова Анна Арменовна
ЦИФРОВОЙ СТОРИТЕЛЛИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ МЕДИАГРАМОТНОСТИ И ИНОЯЗЫЧНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ **53**

Прокофьева Ольга Владимировна
СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АВТОСТЕРЕОТИПОВ В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ **61**

*****

CONTENT

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Yugai Xenia Sergeevna
ON THE PROBLEM OF THE INTERACTION OF LANGUAGE AND CULTURE **12**

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES) (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Gorbulich Irina Stepanovna, Smolina Olga Vladimirovna
FEATURES OF THE TRANSLATION OF ENGLISH SPECIAL TERMS IN THE FIELD OF MARITIME CARGO TRANSPORTATION **18**

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Artaev Sergey Nikolaevich, Ubushieva Bamba Erendzhenovna, Shurungova Bolkha Alekseevna, Gadanov Sergey Sergeevich
SILENCE AND VOICE IN KALMYKS COMMUNICATION **29**

Artaev Sergey Nikolaevich, Shurungova Bolkha Alekseevna, Salykova Valeria Vasilyevna, Gadanov Sergey Sergeevich
FEATURES OF TRADITIONAL ETIQUETTE IN RUSSIAN AND KALMYK SPEECH BEHAVIOR **38**

Li Huanhuan
COGNITIVE MODELING OF THE TEMPORAL MEANINGS OF PREPOSITIONS USING THE EXAMPLE OF TIME LENGTH **46**

Mirzabekova Anna Armenovna
DIGITAL STORYTELLING AS A TOOL FOR DEVELOPING MEDIA LITERACY AND FOREIGN LANGUAGE PROFESSIONAL SKILLS **53**

Prokofieva Olga Vladimirovna
WAYS OF REPRESENTING AUTOSTEREOTYPES IN THE LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL SYSTEM OF INDO-EUROPEAN LANGUAGES **61**

*****

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 81

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРАКЦИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Югай Ксения Сергеевна
Ассистент, аспирант,
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия
SPIN-код 6969-3693

В статье анализируются теоретические положения по проблеме взаимодействия языка и культуры. Актуальность исследования подчёркивается многоаспектностью феномена языка и культуры, различием подходов к его рассмотрению. Процесс интеракции двух ключевых явлений берёт начало еще со времён В. фон Гумбольдта, который определял язык как дух народа. Продолжил учение немецкого исследователя русский лингвист А. А. Потебня, отмечая, что в языке выражается мышление. Э. Сепир и Б. Уорф разработали теорию лингвистической относительности, определив невозможность существования языка и культуры изолировано. В XX веке учёные находят новый подход к изучению данной проблемы – семиотический. Ю. М. Лотман утверждал, что культура располагает множеством языков, например, естественным. Именно в нём находят отражения культурные установки лингвокультурного общества. В статье отмечены важные функции и свойства культуры. К таким можно отнести: динамичность системы, установление синтагматических и парадигматических связей, социальный фактор. Важной функцией культуры выступает идентифицирующая. Проблема феномена языковой и культурной систем положила начало новому уровню – лингвокультурному. Это связано, в первую очередь, с пониманием того, что язык несёт в себе культурные ценности и установки. Вынесены основные положения: 1) язык и культуры – однотипные структуры; 2) культура – знаковая система; 3) культура проявляется на всех уровнях языка.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультурология, лингвокультурный уровень, культурные ценности, естественный язык.

O THE PROBLEM OF LANGUAGE AND CULTURE INTERACTION

Yugai Kseniia Sergeevna
Assistant, postgraduate student,
L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University,
Tula, Russia

The article analyzes theoretical provisions on the problem of interaction between language and culture. The relevance of the study is emphasized by the multidimensionality of the phenomenon of language and culture, the difference of approaches to its consideration. The process of interaction between the two key phenomena dates back to the times of W. von Humboldt, who defined language as the spirit of the people. Russian linguist A. A. Potebnya continued the teachings of the German researcher, noting that language expresses thinking. E. Sepir and B. Warf developed the theory of linguistic relativity, determining the impossibility of the existence of language and culture in isolation.

In the twentieth century, scientists found a new approach to the study of this problem – semiotic. Yu. M. Lotman argued that culture has many languages, such as natural language. It is in it that the cultural attitudes of a linguocultural society are reflected. The article points out important functions and properties of culture. These include: dynamism of the system, establishment of syntagmatic and paradigmatic relations, social factor. An important function of culture is identifying. The problem of the phenomenon of linguistic and cultural systems has given rise to a new level – linguocultural. It is connected, first of all, with the understanding that language carries cultural values and attitudes. The main points are as follows: 1) language and cultures are similar structures; 2) culture is a sign system; 3) culture is manifested at all levels of language.

Keywords: language, culture, linguoculturology, linguocultural level, cultural values, natural language.

*****

Лингвокультурология как научная дисциплина сформировалась в XX веке. Предметом её изучения стали язык и культура. В. Н. Телия определила новую отрасль так: «это та часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии». [1, 217] Отметим, что проблема взаимодействия этих феноменов была поставлена в трудах отечественных и зарубежных лингвистов еще в XIX веке. С течением времени научные заключения претерпели значительные изменения, стали охватывать новые области знаний. Поэтому данное направление остаётся актуальным и в настоящее время. Целью нашей статьи является рассмотрение проблемы взаимодействия языка и культуры. Для понимания сути их интеракции считаем необходимым осветить теории, предшествующие возникновению лингвокультурологии.

В понимании немецкого исследователя В. фон Гумбольдта, язык несёт в себе отражение духовной жизни человека. Исследователь отмечал: «Язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». [2, 348] Он полагал, что каждая нация находит своё выражение в словах. В основе философии учёного лежало представление о том, что язык воздействует на культуру и духовное развитие любого народа, а различие в языках позволяет сделать вывод о различных мировидениях конкретного народа. В зависимости от того, на каком языке говорит человек, он имеет представление об этом мире. С понятием языка учёный отождествлял понятие духа народа. Человек представляет мир таким, на каком языке он мыслит. В. фон Гумбольдт отмечал: «Сумма всех слов, язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека...; изучение языка открывает для нас помимо собственного его использования еще и аналогию между человеком и миром вообще и каждой нацией, самовыражающейся в языке» [2, 348]. То есть изучение языка становится возможным только в связи с культурой, в которой живёт человек. Теория В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка основывается на принципах взаимодействия языка и мышления, языка и культуры.

Последователем теории внутренней формы языка стал русский учёный А. А. Потебня, который отмечал: «Слово не всё содержание понятия, а один из признаков, именно тот, который представляется народному воззрению важнейшим». [3, 15] То есть за каждым значением стоит некий образ, сформированный у носителей языка. Именно с этим признаком связано представление конкретного народа об устройстве мира. В своих работах учёный доказывал взаимодействие языка и мышления: «нет языка без понимания, а понимание возможно только посредством слова», [3, 21] а также подчёркивал знаковый характер языка, его взаимодействие с мыслительными процессами человека. А. А. Потебня отмечал, что на понимание языковых форм оказывают влияние различные факторы: социальный статус, возраст, культурные установки и др. Действительно, наше представление о значении слова носит субъективный характер. Коллективный опыт социума помогает нам создавать стереотипное мышление о действительности. «Язык есть

необходимое условие мысли отдельного лица, даже в полном уединении, потому что понятие образуется только посредством слова, а без понятия невозможно истинное мышление». [3, 17] Любое представление о возникающей действительности зафиксировано человеком в слове. Формируются эти представления только в коллективе путём многократной воспроизводимости тех или иных значений. Следовательно, развитие понимания значений слова возможно только коллективным мышлением.

Теория лингвистической относительности американских учёных Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа подтверждает тесную связь между языком и культурой. Язык в значительной степени определяет мышление и культурные представления человека. «Самые звуки речи не составляют языка, суть языка лежит скорее в классификации, в формальном моделировании, в связывании значений. Итак, язык, как некая структура, по своей внутренней природе есть форма мысли». [4, 41] То есть язык определяет структуру нашего мышления, что позволяет познавать мир. Э. Сепир и Б. Уорф утверждали, что язык и культура не могут развиваться изолировано: «Язык не существует и вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни. Языковая номинация становится единицей культуры». [4, 185] В этом смысле человек находится и во власти культурных установок, заложенных в данном обществе и реализуемых в конкретном языке. Язык – не просто средство коммуникации, передачи информации, но средство обмена культурного опыта, средство выражения уровня понимания между людьми одной общности. Структура языка определяет способы познания мира. «Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе». [4, 188-189]

Позже, в XX веке, проблемой взаимоотношения языка и культуры стали интересоваться лингвисты. Одним из перспективных подходов, который дал трансполяцию наблюдений над культурой в сферу языка, стал семиотический. Заслуга в становлении данного направления принадлежит Ю. М. Лотману. Он определил культуру как «пучок семиотических систем», которая включает «набор сообщений на этих языках». [5, 396-397] Учёный утверждал, что культура для передачи информации использует несколько языков, один из них – естественный.

Роль языка в становлении культуры и её накоплении играет огромное значение. Стоит отметить, что нельзя провести полное соответствие между языком и культурой. Безусловно, обе эти системы изменяются, развиваются. «Элементы языковой системы хоть и могут претерпевать определенные изменения, но изменения эти не ведут к полной перестройке всей системы» [4, 282] Очевидно, что изменения, происходящие в культурной системе, имеют более высокие темпы, чем те, которые можно заметить в языковой системе. Самым динамичный уровнем в языке выступает лексический. «Лексика – очень чувствительный показатель культуры народа, и изменение значений, утеря старых слов, создание или заимствование новых – все это зависит от истории самой культуры». [4, 243] Сравнивая лексическую и фонетическую системы, мы можем отметить устойчивость и замкнутость второй: в русском языке 43 фонемы. Лексический состав активно пополняется неологизмами, которые могут возникнуть как следствие нового значения для уже имеющегося слова в языке. И наоборот, с исчезновением вещей быта, профессий и т.д. уходят и их названия.

Языковой опыт человека формируется на основе фоновых знаний, житейского опыта, отражает ценности, обычаи, традиции, менталитет и историю определенной культуры. Узнавая язык, мы в то же время изучаем и понимаем культуру, с которой этот язык соотносится. Культура влияет на семантику и употребление слов, грамматические тенденции, социальную коммуникацию и стиль общения. Знание культурных особенностей определённого народа способствует успешной коммуникации с носителями языка.

Культура, рассматриваемая как система, представляет собой сложное и взаимосвязанное образование, которое включает в себя набор общепринятых норм,

ценностей, установок, символов, традиций, обычаев. Она охватывает все сферы жизни общества и формируется в результате взаимодействия и влияния таких факторов, как история, география, религия, политика, экономика и др. Культура может проявляться различными формами, одной из которых является язык. Г. В. Токарев определяет культуру как «результат действия процессов смыслообразования, систему его принципов и продуктов». [6, 15] Язык выступает как средство выражения культурных смыслов. Знаки вербального кода превращаются в знаки вербального кода культуры, удваивая вторичность языка.

Становится очевидным тот факт, что культуре присущи разные функции. В. В. Красных отмечает «две важнейшие функции культуры: конгломерирующую и дифференцирующую» [7, 88] Первая функция помогает идентифицировать «своих», вторая – отделяет «своих» от «чужих». Важную роль такое проявление культуры играет при коммуникации между различными этническими объединениями. То есть, эти функции порождают ещё одну, не менее важную – идентифицирующую, которая устанавливает «принадлежность кого-либо или чего-либо данному сообществу». [7, 88] То есть с помощью языковых средств возможна самоидентификация личности. Человеку навешивают «ярлыки», приписывая его к конкретной культуре. Если человек говорит так, как мы, то он «свой, наш». Выражается это на всех уровнях языка, в том числе и в реализации ценностей культуры.

Культура проявляет определённые свойства, тесно взаимосвязанные с языком. Отметим основные из них:

1. Культура является социальным явлением, так как она формируется и развивается в обществе и влияет на поведение и взаимодействие людей. В этом смысле культура, по мнению Ю. М. Лотмана, всегда будет сопровождать развитие любого народа: ««мы не можем указать ни на один человеческий коллектив ..., который не имел бы текстов» с целью «обслуживания культурной информации» [5, 33].

2. Между единицами культуры усматриваются синтагматические и парадигматические связи. Национальная культура любого народа включает в себя обязательные категории. К таким мы можем отнести язык, религию, семью и т.д. Существуют и специфические категории, которые выделяют данную нацию среди других. Это может проявляться в таких формах как языковые обереги, приметы, предания.

3. Культура является динамичной системой. Она постоянно развивается, меняется под влиянием внешних и внутренних факторов, адаптируется к новым условиям, переоценивает исторические ценности и вносит новые элементы. С культурными изменениями происходит и языковая перестановка. Некоторые культурные установки теряют смысл для общества, а значит, и отсутствует необходимость в их языковой реализации.

Можно предположить, что в своих проявлениях культура сопоставима с языком и включает в такие знаковые единицы, которые выражают представления о мире. Культура формирует определённые ценностные установки, сохраняя и реализуя своё значение в текстах на основе коллективного опыта. Её особенности проявляются в языковой системе на различных уровнях:

1. Фонетический: отличия в произношении могут отражать особенности культурного понимания. Например, акценты и интонация могут отражать социальный статус, региональные особенности и др.

2. Лексический и фразеологический: культурные особенности могут быть воплощены в словарном запасе и значениях слов. Например, в некоторых культурах может быть большое количество лексем, описывающих оттенки цвета, времени или эмоций, что отражает значимость данных аспектов в конкретной культуре.

3. Грамматический: культурные ценности и представления могут отразиться в грамматических структурах и правилах языка.

4. Коммуникативный: различные культуры могут иметь разные предпочтения и ожидания в коммуникации. Например, некоторые культуры могут быть более

непосредственными и прямыми в выражении своих мыслей, в то время как другие могут быть более косвенными и вежливыми.

Язык является одним из основных коммуникативных инструментов культуры. Он позволяет людям передавать знания, идеи, ценности, мировоззрение, сохранять историческую память и связь с предыдущими поколениями. Язык отражает культурную специфику и особенности и является средством передачи и сохранения культурного наследия. В свою очередь, культура влияет на развитие языка, формирует его лексический состав, синтаксические особенности, словарь, образцы речи и нормы коммуникации.

Возникновение лингвокультурного уровня связано с пониманием того, что язык является не только средством общения, но и носителем культурной информации.

«Не присущие языку функции культура делегирует вербальным средствам, в результате чего формируется особый, лингвокультурный знак». [8, 24-25] Вербальный знак начинает выполнять культурную функцию. К таким знакам можно отнести слова, пословицы, фразеологизмы и т.п. Их номинативная функция утрачивается.

В настоящее время язык и культура представляют собой многоаспектное и сложное явление. Два феномена находятся в постоянном диалоге. Д.Б.Гудков в своих трудах отмечает важную особенность: «...культура представляет собой особую иерархизированную семиотическую систему, находящуюся в весьма сложных взаимоотношениях с системой естественного языка» [9, 14].Становится важным тот факт, что для освоения культурного пространства, для выявления «своих/чужих» в лингвокультурном обществе необходимо полное понимание ключевых знаков культуры, их правильная трактовка. В словах кодируется культурная информация, прочитать которую может только носитель данной культуры.

Итак, отметим основные положения по данной проблеме:

1. Культура и язык выступают как однотипные структуры. Они способны воплощать сходные функции. В. Н. Телия рассматривает изоморфизм признаков двух систем – языка и культуры, как «фундамент для воплощения фактов культуры в язык, когда языковые сущности берут на себя роль «тела» культурных знаков – с одной стороны, а с другой – для воздействия языка на жизненную философию его носителей…» [1, 224]. То есть в языке хранится культурная память, которая помогает передавать стереотипы, усвоенные обществом. Только находясь в постоянной интеракции, культура и язык способны оказывать воздействие.

2. Культура располагает множеством языков и представляет собой знаковую систему. Для понимания проблемы нашего исследования становится важным, что естественный язык выступает как средство передачи накопленных культурных знаний.

3. Культура проявляется на всех уровнях языка. Главным выступает текст, который выражает ценности культуры, выступая формой её хранения. Н. И. Толстой писал: «Язык – сила, которая пронизывает все стороны культуры, служащего инструментом ментального упорядочения мира и средством закрепления этнического мировидения». [10, 35]

Итак, проблема интеракции языка и культуры до сих пор остаётся актуальной. Истоки взаимоотношения двух феноменов мы находим в трудах В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, Э. Сепира, Б. Уорфа, Ю. М. Лотмана и др. Несмотря на различные подходы к пониманию данной проблемы, можно отметить, что язык и культура – взаимодействующие системы. Культура состоит из знаков, выполняющих накопительную, коммуникативную и порождающую функции. Она располагает множеством языков, один из которых естественный, с опорой на него возможно реконструировать особенности культуры. Таким образом, проблема феномена языковой и культурной систем в XX веке положила начало новому уровню – лингвокультурному, в основе которого сформировалось представление, что в языке находят отражение культурные установки общества. Современное понимание данной проблемы ищет новые пути решения. Изучение данного направления является перспективным и реализуется путём интерпретации культурных особенностей на языковом материале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: «Яз. рус. культуры»,1996. – 284 с.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыгин и В.А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
3. Потебня А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ./Общ. ред. и вступ. ст. А. Е.Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000.— 704 с.
6. Токарев Г. В. Линквокультурный симболарий: квазисимволы. – Тула: ТППО, 2021. – 112 с.
7. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. – М.: Гнозис: 2016. – 496 с.
8. Токарев Г. В. Проблемы изучения симболария региональной идентичности. – Тула: ТППО, 2023. – 167 с.
9. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов. – М. : Гнозис, 2018. – 192 с.
10. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: ИНДРИК, 1995. – 466 с.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ) (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

УДК 811.111

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ В ОБЛАСТИ МОРСКИХ ГРУЗОВЫХ ПЕРЕВОЗОК

Горбулич Ирина Степановна
Доцент кафедры иностранных языков, кандидат исторических наук
Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID.ORG/0000-0001-9352-8928

Смолина Ольга Владимировна
Заведующий кафедрой иностранных языков,
кандидат филологических наук, доцент,
Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0001-6961-4842

В статье исследуются особенности перевода англоязычных терминов в области морских грузоперевозок. В ходе работы рассмотрена система терминологических единиц английского языка, охарактеризованы переводческие трансформации, используемые при выполнении подобных переводов, выявлена зависимость особенностей перевода терминов от лингвистических и экстралингвистических факторов, осуществлен качественно-количественный анализ употребления переводческих трансформаций, а также полученных результатов исследования. Особая сложность перевода терминов привлекает внимание многих исследователей, тем более что специальная лексика является достаточно обширной и продуктивной группой в корпусе терминологии. Специфика «морского» языка, создающая определенные трудности для иноязычных коммуникантов, требует большого мастерства от переводчиков, поэтому особую важность приобретает соблюдение переводческих норм как для обеспечения продуктивных международных контактов, так и для безопасности морских грузоперевозок. Материалы и основные положения работы могут использоваться в курсе лекций по терминологии.

Ключевые слова: термин, терминосистема, переводческие трансформации, лингвистические и экстралингвистические факторы, морские грузовые перевозки.

FEATURES OF TRANSLATION OF ENGLISH SPECIAL TERMS IN THE FIELD OF SEA CARGO TRANSPORTATION

Gorbulich Irina Stepanovna
Associate Professor of the Foreign Languages Department
PhD (History)
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping
Saint-Petersburg, Russia
ORCID.ORG/0000-0001-9352-8928

Smolina Olga Vladimirovna
Head of the Foreign Languages Department
PhD (Philology), Associate Professor
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping
Saint-Petersburg, Russia
ORCID ID: 0000-0001-6961-4842

The article examines the features of translating English terms in the field of sea freight transportation. In the course of the work, the system of terminological units of the English language is considered, the translation transformations used in such translations are characterized, the dependence of the features of translating terms on linguistic and extralinguistic factors is revealed, a qualitative and quantitative analysis of the use of translation transformations, as well as the obtained research results is carried out. The particular complexity of translating terms attracts the attention of many researchers, especially since specialized vocabulary is a fairly extensive and productive group in the corpus of terminology. The specificity of the "maritime" language, creating certain difficulties for foreign-language communicants, requires great skill from translators, therefore, compliance with translation standards is of particular importance both for ensuring productive international contacts and for the safety of sea freight transportation. The materials and main provisions of the work can be used in a course of lectures on terminology.

Keywords: term, terminology system, translation transformations, linguistic and extralinguistic factors, sea freight transportation.

*****

Морские грузовые перевозки исторически были ключевым фактором развития международной торговли. Ни один другой вид доставки товаров не предоставлял таких преимуществ, как перевозка товаров по воде. И сегодня, благодаря низкой себестоимости транспортных расходов, высокой грузоподъемности морских судов, эффективности, надежности и относительной безопасности, именно морской транспорт остается предпочтительным способом доставки грузов, а также крупной составляющей при использовании мультимодальных и интермодальных перевозок. Ввиду того, что английский язык является не только языком международного общения, но и языком, лежащим в основе профессиональной морской лексики многих стран, в том числе и нашей, особое значение приобретают способы передачи специальных терминов с английского языка на русский. Специфика «морского» языка обусловлена лингвистической гравитацией [1, С. 439], а также вынужденной длительной изоляцией моряков, результатом чего явился узкопрофессиональный, корпоративный язык, представляющий собой систему, обладающую рядом особенностей, непонятных непосвященным людям. Например, в судовождении используют слова «port» и «starboard» для обозначения левого и правого борта вместо «left» и «right». Учитывая то обстоятельство, что неверная интерпретация термина

может угрожать безопасности судна, были разработаны «Стандартные фразы ИМО для общения на море», а также фонетическая таблица произношения слов по буквам. Специальные ГОСТы, справочники, другие нормативные документы призваны унифицировать и облегчить работу переводчика, тем более что взаимодействие международных компаний требует максимально точного понимания задач и степени ответственности между сторонами. В этой связи трудно переоценить важность сбора, изучения и перевода специальных терминов, используемых в области морских грузоперевозок. Отсюда вытекает и актуальность темы исследования.

Среди многочисленных сложных проблем, которые изучает современное языкознание, важное место занимает самостоятельная лингвистическая дисциплина, называемая терминоведением. Терминоведение, являясь аспектом межъязыковой речевой деятельности, называемой «переводом», рассматривается в качестве многостороннего явления [2, С. 2], характеризующегося сопоставлением лингвистических и культурологических форм [3, С. 5]. Основополагающими категориями теории перевода являются адекватность и эквивалентность [4, С. 172]. Достичь этих критериев в отношении перевода терминов весьма непросто. Для перевода профессионального или специального термина характерна систематичность, отсутствие синонимов, он должен быть математически точен, однозначен, безэмоционален, краток [5, С. 33].

Переводу терминов, одному из наиболее сложных аспектов перевода, уделялось и уделяется особое внимание. Значительные исследования, проведенные в этой области, позволили дать определения термина и терминосистемы, разработать общетеоретические положения, изучить вопросы стандартизации и терминографии [6, С. 6]. Среди зарубежных ученых, известных своим интересом к этой области науки, можно назвать имена Дж. Кэтфорда (J. Catford), Л. Келли (L. Kelly), А. Нойберта (A. Neubert), П. Ньюмарка (P. Newmark), М. Снелл-Хорнби (M. Snell-Hornby), Т. Р. Стайнера (T. R. Steiner), Дж. Холмза (J. Holmes) и многих других. И у нас в стране разработкой этой темы занимались достаточно плотно. Свой вклад в дело изучения терминологии внесли Д. С. Лотте, Я. И. Рецкер, Л. С. Бархударов, В. С. Виноградов, Г. Р. Гачечиладзе, Р. К. Миньяр-Белоручев, К. Я. Авербух, Л. Л. Нелюбин, А. О. Иванов, Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова, В. В. Кабакчи, О. И. Бродович, Л. И. Сапогова, С. В. Гринев-Гриневич – всех упомянуть невозможно. И все же, несмотря на относительную изученность темы, остается много лакун, образовавшихся ввиду отсутствия специальных словарей, слов-идентификаторов, наличия экстралингвистических, культурологических и других проблем в этом разделе языкознания.

Целью данного исследования является рассмотрение способов интерпретации английских терминов, употребляемых при морских грузоперевозках и их соответствие русским терминам. В выявлении зависимости особенностей перевода «морских» терминов от лингвистических и экстралингвистических факторов заключается научная новизна исследования. Для достижения цели необходимо решить комплекс конкретных задач, в частности, представить систему терминологических единиц английского языка, характерных для области морских грузовых перевозок; охарактеризовать переводческие трансформации, используемые при выполнении подобных переводов; выявить особенности перевода специальных терминов; изучить сайты логистических компаний и статьи периодических изданий; провести выборку терминов и осуществить анализ полученных результатов исследования.

В работе были использованы как общенаучные, так и лингвистические методы исследования: интерпретационный, описательный, сопоставительный, семантико-стилистический, количественный методы и метод выборки.

Материалом исследования послужили английские морские термины, отобранные методом сплошной выборки из статей, относящихся к публицистическому стилю и опубликованных в британской газете «The Guardian», которая предлагает достаточно большой выбор текстов на различные темы на своих

электронных ресурсах. Кроме того, были проанализированы сайт логистической компании «ASSTRA», которая сотрудничает со многими известными корпорациями [7], а также сайт транспортной компании международных перевозок «DLG Rusland», являющейся партнером Европейского холдинга «DELTA LOGISTICS GROUP» и предлагающей широкий диапазон логистических услуг, связанных с доставкой грузов всеми видами транспорта из любой точки мира [8].

Полувековые теоретические исследования в области специальной лексики позволили выявить основные проблемы и понятия науки о терминах, определить основные единицы специальной лексики – термины (номены, терминоиды, предтермины, квазитермины и прототермины). Термин – номинативная лексическая единица специального языка, принимаемая для точного наименования специальных понятий [9, С. 22]. Причем, в качестве термина, по мнению В. Н. Комиссарова, лучше рассматривать не само слово, а смысл, которое это слово приобретает, когда воплощает научное понятие [10, С. 8]. В этом качестве термин приобретает определенные свойства, включающие его в классификационную систему конкретной области. К такому же выводу пришел и Д. С. Лотте, первым определившим понятие «терминологической системы» [11, С. 120].

По мнению Я. И. Климовицкого, термин может выполнять свои функции только находясь в своей определенной системе понятий [12, С. 109].

Являясь неотъемлемой частью языка, термин в то же время входит в специальную терминосистему и подчиняется лексическим законам, которые определяют процесс терминологизации. Одни термины выводятся из состава терминосистемы, другие возникают или переходят из разряда общеупотребительной лексики в язык специальной подсистемы.

В свою очередь, терминологическая система предполагает взаимосвязь между терминами определенной специальной области и формируется, благодаря воздействию на нее извне [13, С. 68].

Среди широкого спектра подходов к изучению терминологии, благодаря своей наибольшей продуктивности, преимущественно используется типологический, согласно которому выделяются терминологические единицы определенного типа на основании соответствующих категорий. Следует отметить, что терминология является полноценной системой в тех случаях, когда ее единицы строятся на классификации понятий и обнаруживается общность терминируемого понятия с другими, а также его специфичность. Поскольку системная природа терминологических единиц английского языка является основополагающим свойством, то можно утверждать, что данная терминология рассматривается в качестве терминосистемы, компоненты которой изоморфны, занимают определенные места и обладают соответствующим значением. Отсюда следует, что терминосистемы – это упорядоченные множества терминов с зафиксированными отношениями между называемыми этими терминами понятиями [9, С. 15].

Для выявления основных особенностей перевода терминов в области морских грузовых перевозок необходимо выделить переводческие трансформации, без которых выполнение адекватного перевода и достижение соответствующего уровня межкультурной коммуникации невозможно. Переводческие трансформации представляют собой преобразования, при помощи которых осуществляется переход от оригинального текста к тексту, созданному переводчиком. Существуют различные вариации классификаций переводческих трансформаций, среди которых наиболее распространенной считается та, согласно которой преобразования подразделяются на лексические и грамматические [14, С. 38]. На практике редко какая трансформация употребляется в чистом виде, как правило они используются комплексно. К лексическим трансформациям относятся транскрипция, транслитерация, калькирование, генерализация, модуляция, добавления, опущения, компенсация, антонимический перевод; а к грамматическим – перестановка, замена частей предложения, замена частей речи, добавление, опущение, членение и объединение предложений [4, С. 198].

Для перевода терминов наиболее применимы преобразования на лексическом уровне, а грамматические трансформации употребляются гораздо реже [15, С. 141].

Часть терминологических единиц, представленных на сайтах выбранных нами компаний и в печатных изданиях, имеет полное соответствие понятиям, используемым в русском дискурсе. Их перевод не представляет трудности, в этом случае можно констатировать эквивалентный перевод. Эквивалентами можно считать такие термины, как «boarding» – абордаж, «frigate» – фрегат, «quarterdeck» – шканцы, «smuggling» – контрабанда, «rigging» – такелаж, «hold» – трюм, «mile» – миля, «anchor» – якорь, «bill of lading» – коносамент, «pilot» – лоцман, «towage» – буксировка. [16].

Все вышеперечисленные 11 лексем имеют нейтральное стилистическое значение и встречаются как на электронных ресурсах компаний по транспортировке грузов, так и в текстах публицистического жанра.

Часто также используются для передачи терминов транскрипция и транслитерация. Примечательно, что в данном случае следует упомянуть этимологический аспект образования ряда терминов, поскольку именно заимствованные лексемы переводятся посредством этих двух, перечисленных выше способов. Примерами рассматриваемой категории являются следующие лексические единицы: «demurrage» – демередж (плата за свехнормативную задержку контейнера, взимаемая за каждые лишние сутки, происходит от старофранцузского «demoren» – остаться, задержаться), «dispatch» (от испанского «despachar» – ускорить / итальянского «dispacciare» – отправить) – диспач, «tonnage» (от старофранцузского «tonnage»; значение «грузоподъёмность судна» относится к 1718 году) – тоннаж, «cabotage» (от старофранцузского «cabotage») – каботаж (курсирование в прибрежных водах или между морскими портами одного и того же государства).

Следует упомянуть, что многие термины, заимствованные из старофранцузского, испанского и итальянского языков, первоначально были зафиксированы в латинском. Например, «cadet», (младший сын) курсант морского училища, в большинстве случаев в русском языке переводится посредством транслитерации «кадет».

Интересным примером транслитерации является и лексическая единица «admiral». В современном значении она используется с конца тринадцатого столетия. Изначально в англоязычном дискурсе это слово употреблялось в значении «военный начальник или вождь» и происходило от среднеарабского «amir», что означало военного лидера [17].

Кроме того, при переводе большинства заимствованных терминов, в том числе и англосаксонских, применяются смешанные трансформации, чаще всего это сочетание транскрипции и (или) транслитерации с дескрипцией: «booking» – букинг (бронирование всей или какого-либо места на судне для перевозки грузов); «detention»– детеншн (штрафные санкции, взимаемые за сверхнормативное использование контейнера); «disbursement account» – дисбурсментский счет (документ, содержащий перечень расходов, понесенных по обслуживанию в порту); «feeder» – фидер (судно, обслуживающее порты удаленные от главных транспортных узлов); «манифест» (судовой документ, содержащий перечень коносаментов).

Интересно, что при переводе данных лексических единиц на сайтах транспортных компаний используются преимущественно транслитерация и транскрипция, а в публицистических текстах употребляется также и описательный перевод. Количественный аспект данных единиц примерно аналогичен первому.

При отсутствии эквивалентов переводчик может воспользоваться приемом калькирования, при котором передается структура лексической единицы или синтагматического оборота посредством дословного перевода отдельных частей указанного слова или ряда отдельных элементов. Примерами, характеризующими употребление калькирования, являются следующие компоненты: «sea freight» – «морской фрахт»; «general cargo» – «генеральный груз»; «quality certificate» –

«сертификат качества»; «terminal handling charges» – «терминальная обработка груза»; «reefer container» – «рефрижераторный контейнер»; «rules of navigation» – «правила навигации». Такие компоненты в большинстве случаев относятся к пласту терминологической лексики и встречаются на сайтах международных компаний.

При калькировании может использоваться конкретизация отдельных компонентов словосочетания. Так, выражение «arrival notice» переводится как «извещение о прибытии» с коннотацией: извещение, которое перевозчик направляет грузополучателю до прибытия судна в порт назначения, содержащее информацию о предполагаемой дате прибытия, номера коносамента, номере контейнера, весе груза».

Следует отметить, что ряд терминологических единиц может вызвать особые сложности при их интерпретации, в этом случае следует прибегать к дескриптивному виду перевода, основным недостатком которого является его многословность: «notify party» -«графа в коносаменте, где вписывается сторона, которую перевозчик должен уведомить о прибытии груза. Как правило, это экспедитор или другой представитель получателя в порту». Еще одним примером дескрипции является вариант перевода терминологического выражения «backed note»: «наряд на получение груза, выдаваемый грузоотправителем и скрепляемый подписью судовладельца». Устойчивое словосочетание «cable conveyor» переводится как «тросовая система для передачи грузов». Выражение «cable flag» имеет следующее значение: «флажок для указания длины вытравленной якорной цепи и положения якоря». Описательный метод перевода встречается и для передачи односложных лексем. Так, слово «unlivery» интерпретируется посредством синтагматического выражения «приказ о разгрузке судна на предмет оценки груза».

Иногда дескрипция используется для перевода словосочетаний, которые в русскоязычном дискурсе не имеют зафиксированной эквивалентной терминологической единицы, встречается лишь объяснение этого понятия. Например, устойчивое выражение «maintenance and cure», которое интерпретируется посредством собственной коннотации: «расходы на питание и проживание во время восстановления, а также на необходимые медицинские услуги для моряка, страдающего болезнью или травмой, полученной во время службы на судне».

Схожим примером является перевод терминологического сочетания «storage»: «ставка за сверхнормативное хранение груза в порту. Считается с момента выгрузки на терминал до момента вывоза с терминала. Взимается по ставкам порта. Обычно котируется за TEU (стандартная единица, равная 20-футовому контейнеру) и имеет возрастающую шкалу (чем дольше груз находится в порту, тем дороже каждый следующий день хранения» [16]. Именно такое определение позволит коммуникатору понять данную лексическую единицу наилучшим образом.

Несколько реже для перевода терминологических единиц в сфере грузовых морских терминов используется антонимический перевод. Яркими примерами является интерпретация следующих единиц: «continuity of service» – «непрерывный стаж службы», «entire contract» – «неделимый договор» [18].

При переводе некоторых терминологических единиц могут возникнуть трудности, преодолеть которые переводчику поможет применение смешанных видов трансформации. Такие неоднородные варианты перевода являются элементами синонимической парадигмы, а выбор нужного соответствия в определенной ситуации зависит не только от лингвистических, но и экстралингвистических факторов. В частности, терминологическая единица «bulkcarrier» характеризует особый тип судна и интерпретируется с помощью таких вариантов, как «балкер» (транскрипция) и «сухогруз» (генерализация – замена видового понятия родовым). Оба варианта соответствуют обозначению исходных единиц. Транспортные средства такого вида являются разновидностью сухогрузов и имеют своим предназначением перевозку навалочных и насыпных грузов (без тары). Зафиксировано использование лексемы и в текстах публицистического жанра:

«Government alleges bulk carrier discharged fuel oil into the sea off Santa Cruz island» – «Власти утверждают, что сухогруз оставил топливо у берегов острова Санта Круз» [19]. Такому переходу терминологической лексемы в состав общеупотребительной лексики способствовало ее частое использование в текстах научной тематики.

При переводе лексической единицы bulk carrier употребляется и очень неожиданный синтагматический оборот «авианосец», что является следствием использования приема модуляции. Переводчик стремится придать данному выражению большую экспрессивность, именно поэтому и использует такой вариант перевода: наблюдается смысловое развитие лексемы «carrier», обозначающей «перевозчик» или «судно».

Лексема «abandonment» имеет весьма широкий спектр значений, однако в морском деле преимущественно используется описательный вариант перевода: «акт отказа владельца груза или судна от своего застрахованного имущества в пользу страховщика с требованием о возмещении убытков». Другим вариантом перевода является частичная транслитерация: «абандон». В таком случае, как правило, используется пояснение, что может означать данная лексическая единица. В современном дискурсе английского языка зафиксировано использование такого слова не только по отношению к кораблю, но и к человеку: «Five seafarers have been left on an abandoned tanker» – «Пять моряков были оставлены на заброшенном танкере» [19].

Другим примером является синтагматический оборот «dispatch money», один из вариантов перевода которого представлен дескриптивным методом: «вознаграждение за экономию времени при погрузке или выгрузке». Но допустима и транскрипция данного термина» «диспач», что произошло в процессе межкультурной коммуникации. Примечательно, что при таком переводе лексическая единица сопровождается пояснением: «премия за досрочную разгрузку или погрузку судна».

Тексты о грузовых морских перевозках довольно часто затрагивают и экономический сегмент развития общества, что выражается в употреблении экономических терминов: «blue-chip technology» – «технология голубых фишек». При переходе из одной терминосистемы в другую буквальный перевод заменяется приемом модуляции и возникает новый смысл «первоклассная технология», «ультрасовременная технология». Примечательно, что в таком значении он зафиксирован лишь в научных текстах рассматриваемой сферы [5].

Синтагматический оборот «tween deck» имеет весьма интересное происхождение. Первый компонент «tween» образовался в процессе усечения предлога «between» (между); использование второго в англоязычном дискурсе датируется серединой пятнадцатого столетия: «dekke» – «часть корабля, покрытие, занимающее пространство от борта до борта», ранее использовалось в среднеголландском языке с коннотацией «покрытие». При употреблении данного термина в следующем контексте перевод осуществляется посредством калькирования: «Initial estimates put the cost of the damage, which has destroyed the main and lower tween deck, at around £5m» – «По первоначальным оценкам стоимость ущерба, который был нанесен основной и нижней промежуточной палубе, составляет около 5 миллионов фунтов стерлингов» [19]. Иногда этот термин подвергается не только лексическим трансформациям (калькированию), но и грамматическим – адъективации: «tween deck height» – междупалубная высота.

Интересно заметить, что некоторым терминам в различных словарях даются разные коннотации. Например, лексическая единица «jettison» интерпретируется как «груз, выброшенный за борт для спасения судна». В процессе частого употребления произошла конверсия данной лексической единицы – она также встречается в научно-технических текстах как глагол со значением «выбрасывать груз за борт (с целью восстановления плавучести и устойчивости корабля).

Некоторые словосочетания, которые используются для описания грузовых морских перевозок, приобретают устойчивый характер, что обуславливает возникновение больших затруднений при их передаче на русский язык и определяет

некоторые особенности перевода. В таких случаях зафиксировано применение переводческой трансформации модуляции (целостного преобразования). Среди устойчивых выражений выделяют фразеологизм с взаимозависимыми константными компонентами: «an old salt» – «старый морской волк», «a sea dog» – «морской волк», «a fish out of water» – «быть не в своей тарелке» [15].

Так, следует отметить, что у первого фразеологизма в русскоязычном дискурсе наблюдается фразеологический эквивалент; другие переведены с помощью словосочетаний, которые имеют устойчивый характер.

Группа фразеологизмов, компоненты которой имеют константно-вариантную зависимость, представлена следующим спектром фразеологических единиц: «to hoist / make sail» – «поднять парус, отплывать»; «go against the tide / swim against the tide» – «плыть против течения». Ранее данные словосочетания использовались лишь как элементы лексической системы, которая описывает морские явления и события; однако, в связи с частым их употреблением произошло переосмысление ряда компонентов, благодаря чему многие устойчивые выражения стали компонентами общеупотребительной лексики.

Наибольшую сложность вызывает перевод единиц измерения, принятых согласно русской и английской традициям. Например, знак десятичной дроби в англоязычном дискурсе обозначается посредством использования точки, в русском – запятой: «depth of 30.40 m» – «осадка 30,40 м». Кроме того, в английском языке наиболее часто используется лексическая единица «мили» («miles»), которая соответствует определенному количеству километров. Однако, в последнее время в текстах наблюдается тенденция к употреблению единиц измерения международного масштаба.

Примечательно, что для обозначения футов в научно-технических текстах морской тематики используют знак «'»; соответственно, для дюймов, меньших, чем предыдущая единица, «''». В первом случае следует умножить имеющееся значение на 0,3048 для получения соответствующей единицы в метрах. Поскольку во второй ситуации репрезентируется меньшая по величине единица, то необходимо говорить о ее представлении в сантиметрах: один сантиметр равняется 2,54 дюймам.

Интересно заметить, что на сайте компании «DLG LOGISTICS GROUP» используются обозначения величины контейнеров, выраженные в метрах, что обусловлено возможностью представления ресурса на различных языках, среди которых польский, русский, английский и другие. Тип данного элемента, в свою очередь, указывается с помощью количественного значения и апострофа, который в научно-технических текстах используется для обозначения футов, как уже было упомянуто ранее. Такое графическое сопровождение может составлять особые трудности для перевода, именно поэтому позже автор поясняет, что именно имеется ввиду под приведенным выше обозначением: «20' Standard (20-футовый контейнер; тип контейнера) – 5.900 m (длина) – 2.350 m (ширина) – 2.393 m (высота)». Объем представлен с помощью кубометров, что является единицей международной системы измерений: «33.2 m³» [8].

Таблица 1 - Количественное и процентное соотношение переводческих трансформаций, выявленных в ходе исследования

Уровни трансформаций	Виды трансформаций	Примеры	Кол-во	Процентное соотношение
	Эквиваленты	smuggling – контрабанда	11	21%
Лексический	Транскрипция, транслитерация	booking – букинг demurrage – демередж	14	25%
Лексический	калькирование конкретизация	sea freight – морской фрахт	8	16%

	антонинимия генерализация модуляция	certificate of registry -судовой патент continuity of service – непрерывный стаж службы bulkcarrier- сухогруз bulkcarrier авианосец		
Лексический	дескрипция	backed note – наряд на получение груза, выдаваемый грузоотправителем и скрепляемый подписью судовладельца	18	35%
Грамматический	конверсия	tween deck height – междупалубная высота	2	3%

Источник: составлено автором

Таким образом, были приведены основные терминологические единицы, которые относятся к морским грузовым перевозкам и репрезентируют особенности их представления в англоязычном дискурсе. В общей сложности было найдено 53 терминологических единицы. Среди приемов перевода можно произвести следующее качественно-количественное описание: 21% элементов имеют полный или частичный эквивалент в русском языке; лексические трансформации представлены в следующем процентном соотношении: 25% – транскрибированные или транслитерированные термины (в основном заимствованные); 16% – термины, переведенные при помощи кальки (частично с помощью конкретизации, а частично – генерализации); 35% – обработаны с помощью описательного перевода. Лишь 3% терминов подверглись грамматическим трансформациям, причем в других случаях к ним же были применимы и лексические преобразования.

На основании результатов исследования можно сделать вывод, что наиболее часто используемая трансформация – это описательный перевод, применение которого вызвано экстралингвистическими и лингвистическими различиями. Кроме того, некоторые терминологические единицы могут интерпретироваться по-разному, поэтому здесь применимы смешанные виды преобразований. Выбор переводчиком соответствующей трансформации непосредственно зависит от стиля текста и других контекстуальных сведений. Однако, при репрезентации терминологической единицы посредством транслитерации или транскрипции отмечается использование сноски или пояснения, поскольку читателям или потенциальным клиентам может быть не совсем понятно, о чем именно идет речь.

Терминологическая система грузовых морских перевозок представлена широким спектром единиц, которые являются не только доказательством ее системности, но и характеристикой основных моментов в данном сегменте.

Итак, внешние грузовые перевозки, определяемые в качестве услуг, оказываемых транспортными компаниями, подразумевают перемещение грузов на значительные расстояния, предпочтительно с помощью морского транспорта. Международный, в большинстве случаев, характер компаний, выполняющих эти перевозки, определяет важность адекватного перевода при представлении лексических единиц и синтагматических оборотов. Значимостью обладает и стиль текста, а также экстралингвистические и культурологические факторы его представления и дальнейшего восприятия потенциальными клиентами [20, С. 15]. Перевод терминов является одним из наиболее важных и трудных аспектов лингвистики. Терминологическая система постоянно находится в состоянии количественного и качественного изменения, так как одни термины выходят из

употребления, а другие возникают, чтобы передать новые понятия или уточнить старые [21, С. 19]. Проведенное исследование позволило выявить тот факт, что при переводе морских терминов используются как грамматический, так и лексический уровни трансформаций, но с большим преобладанием последнего. От соблюдения переводческих норм, а именно: эквивалентности, адекватности, идентичности, сохранения жанрово-стилистической нормы, зависит порой не только качество оказания услуг транспортными компаниями и успешное международное сотрудничество, но также безопасность груза и экипажа морского судна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабакчи В. В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации [Текст] / В. В. Кабакчи. СПб.: Союз, 2004. 475с.

2. Грольман М. Б. История развития переводоведения как науки / *М.Б. Грольман*. – Казань: ТГГПУ, 2009.

3. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп.-М.: Изд-во УРАО, 2000. – 208с.

4. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. – 240с.

5. 12. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. – М.: 1961. – 243.

6. Чунтомова Ю. А. Английская транспортная терминология: дисс… канд. филолог. наук: 10.02.04. Москва, 2004. 166с.

7. Asstra. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://asstra.com/mode-of-transport/sea-transport/ (дата обращения – 3 11. 24).

8. DLG. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dlg.lt/en/service/sea-transportation/ (дата обращения – 3.11.24)

9. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений /С. В. Гринев-Гриневич. – М. Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.

10. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. – М.: Международные отношения, 1973.

11. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. – М.: 1961. – 243.

12. Климовицкий Я. И. Термин и обусловленность определения понятия в системе // Проблематика определений терминов в словарях различных типов. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1976.

13. Кодирова Д. Ш. Понятие «терминосистема» и ее языковые особенности// European science № 3 (52) с. 68.

14. Еремина Е. С. Фразеологическая картина мира: ее особенности и признаки (на материале современной американской поэзии) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. №4. С. 72-81.

15. Ревзин И. И., Розенцвейн В. Ю. Основы машинного перевода. – М.: Высшая школа, 1964. 243 с.

16. Multitran. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.multitran.com/ (дата обращения – 3.11.24)

17. Online Etymology Dictionary. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.etymonline.com/ (дата обращения – 3.11.24)

18. Словарь морских терминов и сокращений https://sttlogistics.ru/information/omp/morskie-perevozki/slovar-morskikh-terminov/ (дата обращения – 3.11.24)

19. The Guardian. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.theguardian.com/international (дата обращения – 3.11.24)

20. Паршина Т. В. Из опыта выполнения перевода текстов корабельной тематики студентами кораблестроительных специальностей с английского языка на русский / Т. В. Паршина. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы

филологических наук: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, январь 2019 г.). – Краснодар: Новация, 2019. – С. 13-23.

21. Динес Л. А. Вариантность терминологических единиц в частноотраслевой терминосистеме// Лингвистические проблемы формирования и развития отраслевых терминосистем. Саратов: Изд-во СГАП, 1997. С.19).

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'221(470.47)

МОЛЧАНИЕ И ГОЛОС В ОБЩЕНИИ КАЛМЫКОВ

Артаев Сергей Николаевич
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
г. Элиста Республика Калмыкия, Россия

Убушиева Бамба Эрендженовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
г. Элиста Республика Калмыкия, Россия

Шурунгова Болха Алексеевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
г. Элиста Республика Калмыкия, Россия

Гаданов Сергей Сергеевич
Студент направления филология, профиль зарубежная филология,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
г. Элиста Республика Калмыкия, Россия

Статья посвящена анализу некоторых средств невербальной коммуникации: рассматриваются различные виды молчания и голоса и их роль в коммуникативном поведении калмыков. Невербальные средства общения не только дополняют смысл речевого сообщения, но и полностью характеризуют личность говорящего. Они универсальны, но в то же время и этноспецифичны, что определяется географическим расположением, религией, национальным характером и социальными нормами поведения. Речь сопровождает так называемый «безмолвный язык», который складывается в зависимости от культурных и нравственных традиций того или иного народа и социальной группы, и который можно рассматривать как «составную часть» языка этикета. Подробно, на примере произведений калмыцких писателей рассматриваются виды молчания и голоса в калмыцком коммуникативном поведении. В калмыцком этикете молчание коммуникативно более нагружено и ценится более высоко, нежели в русском. Молчание нередко становится высшим средством общения и выражением вежливости и воспитанности коммуникантов.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, невербальная форма общения, национальный характер, культурные традиции, молчание, голос

SILENCE AND VOICE IN COMMUNICATION OF KALMYKS

Artaev Sergei Nikolaevich
Doctor of philology, professor
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Russia, Elista

Ubushieva Bamba Erengenovna
candidat of philology, associate professor
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Russia, Elista

Shurungova Bolkha Alekseevna
candidat of philology, associate professor
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Russia, Elista

Gadanov Sergei Sergeevich
Student,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Russia, Elista

The article is devoted to the analysis of some means of non-verbal communication: various types of silence and voice and their role in the communicative behavior of Kalmyks are considered. Non-verbal means of communication not only complement the meaning of the speech message, but also fully characterize the personality of the speaker. They are universal, but at the same time ethno-specific, which is determined by the geographical location, religion, national character and social norms of behavior. Speech is accompanied by the so-called "silent language", which is formed depending on the cultural and moral traditions of a particular people and social group, and which can be considered as an "integral part" of the language of etiquette. The types of silence and voice in Kalmyk communicative behavior are considered in detail, using the works of Kalmyk writers as an example. In Kalmyk etiquette, silence is more communicatively loaded and is valued more highly than in Russian. Silence often becomes the highest means of communication and an expression of politeness and good manners of the communicants.

Keywords: communicative behavior, non-verbal form of communication, national character, cultural traditions, silence, voice.

*****

Язык, поведение могут существовать и функционировать в невербальной форме в ограниченных сферах.

По мнению Н.Д. Арутюновой, человек несет ответственность и за речевые и за неречевые действия: и те и другие могут служить основанием для обвинения и те и другие нуждаются в оправдании [1].

Речь в чистом виде почти не употребляется в непосредственном живом общении людей. Ее сопровождает так называемый «безмолвный язык», который складывается в зависимости от культурных и нравственных традиций того или иного народа и социальной группы, и который можно рассматривать как «составную часть» языка этикета. Невладение «безмолвным языком» отрицательно сказывается на установлении оптимальных контактов и может даже привести к конфликтности общения [2].

В.В. Богданов относит к невербальной сфере молчание и невербальные действия коммуникантов, которые могут сопровождать речь. Невербальными по своей природе являются компоненты других семиотических систем, встраивающиеся в вербальное общение, а также предметный, или ситуативный мир. Все эти компоненты обычно интерпретируются как паралингвистические, они рассматриваются как «подсобный функциональный компонент» [3].

Склонность и несклонность к молчанию зависит от темперамента коммуниканта, его текущего психологического состояния, степени знакомства с партнером, от этических, социальных, культурных причин.

Молчание заслуживает особого внимания среди невербальных компонентов. Молчание в различных культурах в аспекте вежливости расценивается по-разному [4].

Н.Д. Арутюнова пишет, что «о молчании можно судить двояко: как о нулевом речевом акте и как о дискрипции нулевого речевого акта, осуществляемой средствами языка – глаголом *молчать* и его производными. Специфика ситуаций, к которым применимо понятие молчания, определяет контексты, в которых используются «слова молчания». В контексте диалога и межличностного общения молчание более всего ассоциируется с не – ответом, отсутствием отклика на зов, несоблюдением информации заинтересованному лицу, невыражением мнения из боязни или во избежание нежелательных последствий. Это не ответ на то, что наносит урон достоинству человека: молчать и смолчать – значит снести обиду, не дать отпора: его задевают, а он молчит» [1].

Н.И. Формановская, рассматривая коммуникативно значимое молчание, прежде всего говорит, что: а) это ролевая обязанность слушающего, форма его этикетного кооперативного поведения (не перебивать, выслушивать, дослушивать и т.п.), при этом подавая вербальные и невербальные сигналы своего участия в коммуникации: кивки, направленность взгляда, междометия типа «угу» и мн. др., подтверждая тем самым контакт внимания, понимания и т.д. Это «нормативное» молчание слушающего, отвечающее ожиданиям говорящего; б) другой тип молчания принадлежит роли говорящего, когда партнер ожидает от него словесной реплики, но вместо этого получает нулевой заместитель вербальных знаков. В этом случае предстоит интерпретировать молчание как своеобразный речевой акт с интенциональным, эмоциональным, оценочным и т.п. содержанием в зависимости от предшествующего текста, ситуации и обстановки общения, взаимоотношений общающихся и т.д. Это может быть согласие (молчание – знак согласия), нежелание отвечать, затрудненность подыскать слова, стеснительность, нерешительность, наконец, укор, упрек, обида и мн.др. Таким образом, молчание можно интерпретировать и как особый речевой акт (см. выше), и как невербальный компонент коммуникации. Как и другие невербальные знаки, молчание национально-специфично. Так, в Японии, по мнению исследователей, молчание более коммуникативно нагружено и ценится выше. С молчанием связаны жестово-мимические знаки изумления, крайнего удивления, других эмоциональных проявлений: *остолбенел, оторопел, раскрыл, разинул рот от изумления* и др., а также нежелание общаться [5].

Предметом исследования в данной статье являются особенности невербальной коммуникации в калмыцком речевом поведении их роль в системе национально-специфических стереотипов общения.

Целью настоящей работы является изучение различных видов молчания и голоса в коммуникативном поведении калмыков.

В последнее время под влиянием русского языка и речи калмыцкое коммуникативное поведение претерпело существенные изменения. В связи с этим, исследования, направленные на анализ, в том числе и традиционных и заимствованных форм общения, являются очень востребованными в современном калмыковедении.

Основными методами исследования явились: описательный метод, непосредственное наблюдение и метод анкетирования.

В калмыцком этикете молчание коммуникативно более нагружено и ценится более высоко, нежели в русском [6]. Молчание нередко становится высшим средством общения и выражением вежливости и воспитанности коммуникантов. Молчание служит ответом на комплименты, благодарности, извинения, поздравления, калмыцкий этикет позволяет даже молча попрощаться.

Рассмотрим следующие виды молчания, встречающиеся в калмыцком невербальном поведении и попытаемся определить их функции.

Молчание в ситуации обдумывания реплики, поиска аргументов для убеждения собеседника. В данном случае молчание необходимо говорящему для совершения определённых умственных действий. Например, молчание – припоминание:

Нег минут дүңгә цагт ә-чимән уга бәәдл тогтв – герин эзн гиичлә хоюрн нег-негнүрн тагчгар хәләлдҗ зогсв. Тиигҗәһәд, аш сүүлднь, уданд татгдсн тагчгиг тесҗ чадлго, Балыков дууһан өргәд өркв: Уй, дү көвүн, чи 80-гч Джунгарск полкин сотник Учур Абушинов болдмн болвзач? [Николай Улюмджиев. Абиль (2005)]. «В течение минуты воцарилось молчание – хозяин дома и гость молча разглядывали друг друга. В конце концов не выдержав длительного молчания, Балыков подал голос: Уй, ты братишка, ты кажется сотник 80-го Джунгарского полка Учур Абушинов?».

Молчание – размышление. Это собственно размышление: поиск причин сложившейся ситуации, обдумывание последствий и т.п. Маркеры функции: пропуск ментального действия (реплика после молчания является простым продолжением предыдущей мысли):

Аав тер күүкн та хойрин зургиг асхн орндан орхиннь өмн хәләнә. Өрүнд босад, мөргүлән мөргчкәд, цәәһән уухиннь өмн ә уга хәләнә [Константин Эрендженов. Береги огонь (1979)]. «Дедушка каждый вечер перед сном смотрит фотографию, где вы с той девушкой. Утром, помолившись, перед чаем опять молча ее разлядывает».

Коммуникативно-прагматическая функция молчания заключается в том, говорящий тянет время с определённой целью: вывести собеседника из равновесия, сбить с толку, передать собеседнику определённое настроение, дать собеседнику успокоиться:

Цаста «гилс» гиҗ нүднәннь булңгар Бата тал хәләчкәд, ә уга босад мандалиһән орн деер тәвчкәд, альчуран ээм деерән хайчкад, үүдн тал һарв [Константин Эрендженов. Береги огонь (1979)]. «Цаста молча встала, окинула взглядом Бату, положила мандолину на кровать, накинула платок и подошла к двери».

Так называемая выжидательная функция молчания или молчание – страх (боязливое ожидание последствий):

Әәмгин ахлачнрин биинсн ааәдг бәәдлтә. Ә уга эс медсн болад бәәцхәнә. Амынь бөглдг, өглһтә болхла тиигәд бәәхугов! [Константин Эрендженов. Сын охотника (1974)]. «Руководство аймака сами, кажется, побаивались. Молчат и делают вид, что ничего не знают. Так и будут, пока есть кому заткнуть им рот!».

Рассмотрим молчание, свидетельствующее о нарушении контакта на каком-либо уровне (от микро- до макроуровня), когда адресат не желает или боится говорить на определённую тему:

Тотх деегүр һаран орулад үүднә тәдгинь авчкад: Намаг түрүләд орхла, эн берм гүүһәд йовҗ одхла яахв, яһад болв чигн энүг түрүләд орулслчн», – гиҗ ухалад, герин үүдиг арһул тәәлчкәд: Ор! – гиһәд чикнднь арһул келүв. Бер ә уга көшәд зогсҗаһад толһаһан зәәләд хооран цухрв.. «Ода яһса» гиҗәһәд хавтхасн хустг һарһҗ авад, һартнь бәрүләд: Мә, барун иргд бичкн ширә деер шам бәәнә, һал орул, – гиҗ чикнднь шимлдҗ келүв. Бер дун уга, чичрҗәһәд, арһул үүд алхад орв [Николай Улюмджиев. Абиль (2005)]. «Просунув над косяком руку и откинув крючок, она подумала: если я зайду первой, сноха может убежать. Надо как-то пропустить ее вперед, – подумала она и, открыв осторожно дверь, сказала тихо: Входи! Сноха, молча застыв, немного постояла и стала пятиться назад. Что же делать-то, – подумав, вытащила из кармана спички – На, там справа на маленьком столе есть лампа, зажги ее, – шепнула ей на ухо. Сноха, не издав ни звука, дрожа, переступила через порог».

Демонстрация молчанием негативного эмоционального отношения к сказанному, сделанному, выступает в следующих разновидностях, например крайнее неодобрение. Молчание содержит резко отрицательную оценку:

Бата доран хәрү эргәд шилтә лампа авад Хар-Күүкнә тал орв. Бата, яһлачи? Күүнә герт ирҗ хонсн күн ә уга һарад йовҗ оддви, чамаг һарч хәәхәр седҗәләв. Һаран уһа, цә уухмн [Константин Эрендженов. Береги огонь (1979)]. «Бата, развернувшись на месте, взял стеклянную лампу и вошел к Хар-Кюкеновым. Бата, куда ты исчез? Разве можно молча уйти, переночевав у чужих людей, я собиралась тебя искать. Мой руки, будем пить чай».

Или когда молчание может сопровождаться слезами, грубостью, смущением, иронией, неловкостью, замешательством, подавленностью, удивлением, недовольством, возмущением:

Эн йовад, Гесл тал өөрдҗ ирв, ду һарлго, тагчгар энүнә хойр нүдинь ширтәд орксна ашт, цаадкнь нүдн ирмтл тагчг болҗ одчкад, толһаһан һудылһҗ буулһад, шурд гиһәд, хәврһшән хаҗиһәд, дальтрад одв [Николай Улюмджиев. Абиль (2005)]. «Он подошел к Геселю, молча пристально посмотрел ему в глаза, тот притих, стал часто моргать, в итоге, понуро повесив голову, быстренько исчез».

Есть примеры поведения, когда своим молчанием и последующими действиями собеседник завершает неудобную или неинтересную для него тему: *Һурвулн шуугдад,эндр асхн Батаг «хадмушлулх» болад, хот хувцнаннь ард орцхав. Үд болсн цагла Бата ә уга трамвайд сууҗ авад йовҗ одв. Кинод ирәд касст билет авхар зогсҗасн улсин сүл болад зогсв...* [Константин Эрендженов. Береги огонь (1979)]. «Все втроем расшумелись, так как сегодня собирались сватать Бату, стали готовить на стол и наряжаться. В обед Бата молча сел на трамвай и уехал. Приехал в кино, стал в очередь в кассу за билетом…».

Рассмотрим пример, когда после паузы ожидается обсуждение актуальной и интересной для обеих сторон темы:

Бадм нанта нүдәрн күүндчкәд, ә уга һарад, машин деер бәәсн мини чемода авч ирәд секәд, өндр шилтә коньяк, цааснд оралһата кампадь, нег бүкл хальмг цә һарһад: Эн көвүн танад авч ирсн белг, гиһәд тәвв. Өвгн шилтә әрк тал хәләһәд, сахлан иләд, ә угаһар эмгн талан хәләв [Константин Эрендженов. Сын охотника (1974)]. «Бадма, многозначительно посмотрев на меня, молча вышел, принес мой чемодан, находившийся на машине, открыл его и, доставая коньяк, конфеты, завернутые в бумагу, плитку калмыцкого чая, сказал: Это подарки этого молодого человека. Старик, приглаживая бородку, молча посмотрел на коньяк, а потом на жену».

Следующий вид молчания, который встречается в поведении калмыков, это когда молчание слушателя выражает недоверие к словам говорящего, сомнение в их искренности. Слушателю кажется, что говорящий по каким-либо причинам его намеренно обманывает:

Сурх үг бәәхлә суртн! – гиҗ улан хамрта, өндр нурһта хо цаһан залу, әәмгин ахлач Нүүдлә сурв. Цуһар ә уга. Зөвәр болад оркв, күмн ду һархш [Константин Эрендженов. Сын охотника (1974)]. «Если есть вопросы, спрашивайте, – сказал старший в аймаке Нюдля, высокий светлый мужчина с красным носом. Все молчат. Прошло еще некоторое время, никто не подал голоса».

Кроме того, в процессе непосредственной коммуникации часто встречаются случаи, когда молчание возникает в ответ на обращение к группе людей – «групповое» или «коллективное» молчание. Молчание такого рода легко интерпретируется как отказ, в одних случаях, и как неодобрение, демонстрация неприязни, в других случаях [7].

Что же касается роли голоса в поведении, то можно сказать, что голос служит мощным инструментом воздействия, убеждения, подавления, им можно выразить самые разные чувства и отношения – нежность и ласку, сострадание и покорность, презрение и ненависть; в голосе можно услышать нотки иронии и насмешку, гордость и злорадство, боль и огорчение. Обладая психологической реальностью, голосовые характеристики сами являются коррелятами эмоций и чувств,

индивидуальных и социальных межличностных отношений, разнообразных поведенческих реакций [8].

Психологи отмечают, что голос – это важнейший инструмент, который использует человек во время общения.

Голос имеет много характеристик, которые тем или иным образом влияют на направленность и результат общения. Тембр, звучание, интонация голоса имеют огромное значение в процессе коммуникации. С помощью голоса можно расположить к себе или оттолкнуть оппонента, вызвать у него страх, ненависть, любовь, жалость или другие чувства. С помощью голоса можно даже управлять другими людьми.

В результате многих исследований была доказана важная роль голоса в процессе восприятия информации. Человеческая психика извлекает до 40% информации только из голоса. Семантика и смысл слов при восприятии информации важны менее чем на 10%. Огромное значение голос имеет для людей, чья профессия связана с речью. В личных отношениях, конфликтных ситуациях, во время переговоров голос имеет определяющее значение.

Голос можно сделать мощным оружием для достижения цели и средством влияния на людей. Увы, никто не совершенен, и редко люди появляются на свет с поставленным и четким голосом. Есть люди, чей голос тихий, робкий, неубедительный, и даже если они говорят поистине правильные и неоспоримые вещи, соглашаться с ними не возникает желания.

Люди, которые говорят четко и уверенно, с правильным тембром, поддерживают определенную интонацию, всегда вызывают интерес и желание прислушаться даже в том случае, если несут абсолютную чушь. Все это плоды длительной и упорной работы над усовершенствованием главного коммуникативного инструмента – голоса.

Не отвечающая содержанию или иллокутивной силе высказывания голосовая оркестровка ведет к коммуникативному провалу диалога: *– Я прошу ... – Нет, вы не просите", а рычите, как леопард. – Ну хорошо, я прошу вас... – Вот теперь другое дело. Пойдемте*. В этом коротком диалоге анафорическая конструкция *Вот теперь другое дело* относится к новому голосовому оформлению: произносящий ее человек только теперь готов «отнестись к словам я *прошу вас* как к просьбе» [9].

Здесь уместно привести слова еще одного исследователя в области лингвистики и коммуникативного поведения Э. Сепира: «…Мы прекрасно знаем, что если по той или иной причине звучание голоса, которым наделила нас природа, вызывает критическое к нему отношение, то мы стараемся его модифицировать, чтобы он как инструмент речи не вызывал социального неприятия. В голосе всегда есть нечто такое, что следует отнести к социальному фону – точно так же, как в случае с жестами. – Помню, как много лет назад я услышал выступление президента одного колледжа и сразу же решил, что то, что он говорит, не может представлять для меня никакого интереса. Я при этом имел ввиду следующее: независимо от того, насколько интересными и относящимися к делу были его замечания сами по себе, личность его не могла меня заинтересовать, поскольку в его голосе было что-то антипатичное мне, что-то разоблачающее его в личностном плане» [10].

Как известно из лингвистической литературы, подчёркивает В.И. Петрянкина, о культурном вежливом человеке можно судить по тому, с какой интонацией (вежливой или категорической) он просит помочь ему. О низком культурном уровне человека свидетельствуют такие факторы, как и диапазон высоты основного тона, количество синтаксически неоправданных пауз, «крикливость», «речь на повышенных тонах» или монотонность (последовательность ровных тонов на одном уровне) [11].

В речевых актах в калмыцком общении почтительный или дружеский теплый по тембру, ровный и негромкий голос соответствует принципу вежливости.

В поведении калмыков вежливости или ласковости соответствует, конечно же *җөөлн* или *күндлсн дун* «мягкий или уважительный голос», а также *бод гисн дун, номһн дун* «степенный, спокойный голос» или *ээлтә дун* «обходительный, обаятельный голос».

В диалогах из разговорной речи или в произведениях калмыцких писателей встречается огромное количество таких примеров:

Чамаг цаг түдл уга сурһульд йовултха гисн цаас Хар бидн хойр нутгин ахлачас авч йовуллавидн, гиҗ таньсн-үзсн болҗ ээлтә дууһар сурв [Тимофей Бембеев. Тюльпан (1965)]. «Мы с Харом взяли у начальства бумагу, согласно которой тебя незамедлительно должны отправить на учебу, – сказал он обходительным голосом».

Считается, что тихая речь необычайно сложна для восприятия и анализа. Скорее всего, если говорить тихо, то никто не станет слушать. Но здесь все зависит во многом от того, кто говорит. Если это уважаемый, почитаемый, может даже и любимый всеми человек, к которому все прислушиваются, то в данном случае это говорит о его величии. Приведем пример, демонстрирующий данное наблюдение:

Басан Бадьминович салдсмудла төвшүнәр, бүтңгү дууһар арһул эклә̆д күүндв [Тимофей Бембеев. Тюльпан (1965)]. «Басан Бадьминович начал осторожно говорить с солдатами спокойным и тихим голосом». В данном случае обладатель этого тихого голоса *бүтңһү дун* любимый всеми калмыками, глубоко почитаемый в народе Басан Бадьминович Городовиков – герой войны, очень много сделавший для своей республики.

Повышение голоса ассоциируется с проявлением агрессии. Слишком громким голосом стараются проявить свое превосходство над оппонентом. В калмыцком языке такое явление выражается фразами *бөдүн дун, чаңһ дун* «басистый, громкий голос», например:

Старост Гесл тәмкин утанд шарлҗ одсн сахлан илн бәәҗ, чаңһ дууһар зарлв [Николай Улюмджиев. Абиль (2005)]. «Староста Гесел, поглаживая пожелтевшие от табака усы, приказывал громким голосом».

Эмоциональная окраска голоса сильно влияет на собеседника. Громкий, резкий тон иногда может свидетельствовать о потере контроля над ситуацией и желание запугать собеседника. В речевом поведении калмыков наблюдаются такие виды, как *шүрүн дун* «резкий, зычный голос» или *төмр дун* «железный, грубый голос»:

….урдк кевәрн инән бәәҗ, болв ода шүрүн дууһар Гасан некврт̆әһәр келҗәнә…[Николай Улюмджиев. Абиль (2005)]. «…по прежнему улыбаясь, но теперь уже резким голосом Гасан требовательно произносит…»;

Дарунь тачкнсн төмр дууһар, му орс келәр эклә̆д келв: Зерг хальмгуд! [Тимофей Бембеев. Тюльпан (1965)]. «Затем трескучим грубым голосом на плохом русском языке он начал говорить: Уважаемые калмыки!».

Радостный *байрта дун* или восторженный голос *бахмҗта дун* говорит об открытости и расположении собеседников:

Мини чирән дүр болн Сарака эгчин үүмсн бәәдл үзчкә̆д, эн байрта дууһар немв: Олас тадн бичә ә̆ә̆цхәтн [Тимофей Бембеев. Тюльпан (1965)]. «Увидев мое лицо и растерянный вид сестры Сараки, он радостным голосом добавил: Вы не бойтесь людей».

Неуверенность или тревога в голосе *үүмсн дун*, беспокойство, робость, стеснение *зөрг уга, эмәсн дун* связаны с сомнением в собственных словах и это обязательно выдаст голос. Это может повлечь недоверие со стороны собеседника. Характеризуясь слишком тихим произношением, такой голос вызывает у собеседника также и сомнения по поводу достоверности подаваемой информации. Такого рода примеры встречаются и в коммуникативном поведении калмыков:

Зүсн зүүл хувцта әмтн тагчград одв, тиигхлә Гесл үүмсн дууһар яһҗ кесг дәкҗ давтҗ келснь соңгсгдв: Туурсн германск ә̆ә̆рм гиҗ келхән бичә марттн [Николай Улюмджиев. Абиль (2005)]. «Когда одетые по-разному люди затихли, послышалось, как Гесел много раз повторил неуверенным голосом: Не забудьте сказать о прославленной германской армии»;

Абиль тотхҗ түдлго, девлән тәәлҗ авад, тергнәннь өөр зерглҗ зогсад, хаҗуһар һарч йовх әмтст олн-зүсн ә̆ә̆рмсин салдсмудт, күүкд улст, залуст арһулхан, эмәсн дууһар, эклә̆д зарлв [Николай Улюмджиев. Абиль (2005)]. «Абиль без препятствий и помех, сняв с себя шубу, стал возле телеги и начал осторожно стеснительным

голосом отдавать приказы проходившим рядом с ним людям, солдатам разных войск, женщинам и мужчинам».

Как уже отмечалось выше, с помощью тембра голоса или в зависимости от громкости или невнятности голоса собеседника можно уловить настрой собеседника, его расположенность к коммуникации, а также и недовольство *дурго дун*, печаль *зовлңгта дун*:

Юла ээҗ бокрсн күүкд улсас энүг хәврһшән оңцлҗ авч һарад, зовлңгта дууһар һашута зәңг терүнд келв [Николай Улюмджиев. Абиль (2005)]. «Бабушка Юла увела его в сторону от съежившихся женщин и печальным голосом поведала грустную новость».

С помощью голоса можно определить удивление или особенность момента речи или всего диалога, беседы. В калмыцком языке *алмацсн дун* означает «удивленный голос» , а *өвәрц дун* значит «особенный голос»:

Дәкәд, алмацсн дууһар эн сурв: Тегәд би ода яахмб, үр майор? [Константин Эрендженов. Сын охотника (1974)]. «Затем удивленным голосом он спросил: А мне что делать, товарищ майор?».

Итак, общение это не только повседневный контакт с окружающими людьми, но и средство выживания в огромном мире. С помощью общения мы обмениваемся информацией, познаем друг друга и окружающую среду. В процессе общения человек использует вербальные и невербальные инструменты общения. Без мимики, жестов, зрительного контакта общение становится сухим и неинформативным. Важнейший инструмент, который использует человек во время общения, это голос. И если в совокупности с голосом использовать еще и различные невербальные способы воздействия на собеседника, то это во многом позволит быстрее добиться своей цели.

Что же касается поведения калмыков, то можно сделать вывод, что в общении калмыков почтительный или дружеский теплый по тембру, ровный и негромкий голос соответствует принципу вежливости и, в то же время, существует достаточное количество примеров различных видов голоса, с помощью которых регулировалось поведение в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.А. Кибрик и др. Российская Академия наук, Институт Языкознания. – М.: Наука, 1992. 280 с.

2. Соковнин, В. М. О природе человеческого общения (опыт философского анализа) / В. М. Соковнин. – Москва: Просвещение, 1974. – 144 с.

3. Богданов, В.В. Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации / В.В. Богданов // Языковое обобщение и его единицы: Сб. научн. тр. – Калинин: Изд-во КГУ, 1986. – С. 12-18.

4. Меликян, С.В. Молчание в русском общении / С.В. Меликян // Культура общения и ее формирование. Вып.7. – Воронеж: ВОИПКРО, 2000. – С. 55.

5. Формановская, Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.И. Формановская // – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998. – 291 с.

6. Пюрбеев, Г.Ц. Исследования по языкам и культуре монгольских народов / Г.Ц. Пюрбеев // Сборник избранных статей. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2015. – 496 с.

7. Стернин, И.А. Модели описания коммуникативного поведения / И.А. Стернин // – Воронеж, Полиграф, 2000. – 135 с.

8. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 326 с.

9. Крейдлин, Г.Е. Жесты глаз и визуальное коммуникативное поведение / Г. Е. Крейдлин // Труды по культурной антропологии. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 236-251.

10. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи: пер. с англ / Э. Сепир. – М.: АСТ; Астрель, 2001. – 656 с.

11. Петрянкина, В.И. Функционально-семантический аспект интонации / В. И. Петрянкина. – Москва: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. – 190,[2] с.

УДК 811.161.1:811.512.37:81’373

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ЭТИКЕТА В РУССКОМ И КАЛМЫЦКОМ РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ

Артаев Сергей Николаевич
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
г. Элиста Республика Калмыкия, Россия

Шурунгова Болха Алексеевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
г. Элиста Республика Калмыкия, Россия

Салыкова Валерия Васильевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
г. Элиста Республика Калмыкия, Россия

Гаданов Сергей Сергеевич
Студент направления филология, профиль зарубежная филология,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
г. Элиста Республика Калмыкия, Россия

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей употребления этикетных слов и высказываний в русском и калмыцком языках. Речевые акты, такие как просьба, комплимент, извинение и т.д., включающие в себя этикетные высказывания, являются необходимыми в различных сферах коммуникативного поведения и функционируют в соответствии с прагматическим фактором, который тесно связан с речевым поведением субъектов общения. В связи с общей прагматической направленностью на успешную реализацию языковой коммуникации особый интерес представляют формулы, включающие комплиментарные высказывания. Комплиментарные высказывания, несомненно, являющиеся важным разделом речевого этикета, как раз направлены на успешную реализацию речевого поведения в конкретной ситуации общения. Следует отметить, что не все фразы, имеющие буквальный перевод с русского языка могут использоваться в калмыцком языке. Такого рода исследования, направленные на анализ, в том числе и традиционных и заимствованных формул комплимента, являются очень востребованными в современном калмыковедении.

Ключевые слова: речевой акт, речевой этикет, коммуникативное поведение, лексические и грамматические средства языка, вежливость, комплиментарные высказывания, особенности речевого поведения.

FEATURES OF TRADITIONAL ETIQUETTE IN RUSSIAN AND KALMYK SPEECH BEHAVIOR

Artaev Sergei Nikolaevich
Doctor of philology, professor,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Russia, Elista

Shurungova Bolkha Alekseevna
Candidat of philology, associate professor,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Russia, Elista
E-mail: bolha2009@yandex.ru

Salykova Valeria Vasilievna
Candidat of philology, associate professor,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Russia, Elista
E-mail: syakhlya@list.ru

Gadanov Sergei Sergeevich
Student,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Russia, Elista

This article is devoted to the study of the peculiarities of the use of etiquette words and statements in the Russian and Kalmyk languages. Speech acts such as a request, a compliment, an apology, etc., which include etiquette statements, are necessary in various spheres of communicative behavior and function in accordance with the pragmatic factor, which is closely related to the speech behavior of the subjects of communication. In connection with the general pragmatic focus on the successful implementation of linguistic communication, formulas that include complimentary statements are of particular interest. Complimentary statements, which are undoubtedly an important section of speech etiquette, are precisely aimed at the successful implementation of speech behavior in a specific communication situation. It should be noted that not all phrases that have a literal translation from Russian can be used in the Kalmyk language. This kind of research aimed at analyzing, including traditional and borrowed formulas of compliment, are in great demand in modern Kalmyk studies.

Keywords: speech act, speech etiquette, communicative behavior, lexical and grammatical means of language, politeness, complimentary statements, features of speech behavior.

*****

Исследованию коммуникативно-прагматических функций этикетных формул с недавних пор посвящается огромное количество работ как отечественных, так и зарубежных лингвистов [1], [2]. В аспекте возрастающего интереса к проблемам межличностного речевого и неречевого общения, взаимодействия людей разных национальностей, а значит и различных форм поведения, ситуации реализации комплимента, одобрения, сочувствия и иных значимых для коммуникативного поведения представителей различных национальных культур речевых актов и жанров требуют всестороннего изучения. В современной антропоцентрической лингвистике это направление на сегодняшний день является одним из актуальных.

Речевые акты, такие как просьба, комплимент, извинение и т.д., включающие в себя этикетные высказывания, являются необходимыми в различных сферах коммуникативного поведения и функционируют в соответствии с прагматическим фактором, который тесно связан с речевым поведением субъектов общения. В то же время зарубежные и отечественные ученые-лингвисты считают, что речевой этикет – важная и знаковая часть речевой и коммуникативной деятельности человека.

Так называемая знаковая сторона речевого этикета в первую очередь зависит от национально-культурной специфики речевого поведения. Что касается социальной стороны этикета как поведения отдельных личностей, то это целая система правил и способов речевого взаимодействия субъектов, которые относятся к какой-либо отдельной или различным социальным группам в целом.

Социальная дифференциация носителей языка, их постоянный социальный статус и переменные социальные роли диктуют преимущественную избираемость единиц и, как следствие, закрепленность за группами носителей языка стилистически маркированных формул.

Н.И. Формановская для определения социального статуса общающихся выделяет следующие социолингвистические категории: а) по признаку возраста: дети – молодежь – среднее поколение – старшее поколение (границы приблизительны). Старшее поколение, как правило, традиционно и консервативно, молодежь склонна к новациям и моде, ей свойственно поэтому смешанное литературно-жаргонное употребление, проявляющееся, например, в приветствиях типа *Салют, Чао* и др., в жаргонных обращениях, например, *Старик* и мн. др. б) по признаку образования (высшее, среднее и др.) и профессиональных занятий умственным трудом выделяются интеллигенты/ неинтеллигенты; в) для речевого этикета важен также признак воспитанности. По этому признаку носители языка делятся на воспитанных, плохо или недостаточно воспитанных, невоспитанных. Последние не употребляют единиц речевого этикета в соответствующих ситуациях или используют грубо просторечные единицы в несоответствующей обстановке общения; г) для русского речевого этикета признаки пола не так существенны, как для этикета некоторых других стран, особенно восточных. Однако некоторые различия по полу оказываются важными, особенно в ситуации обращения, где большое число вокативов называет женщину-адресата. Для женщины-адресанта характерна относительно большая вежливость; д) признак места жительства находит некоторое выражение в преимущественном употреблении маркированных единиц. Признак «житель города/деревни», отложившийся в речевом этикете, регулярнее проявляется у старшего поколения. Так, приветствие *Доброго здоровьица,* просьба-пожелание при прощании *Не поминайте лихом* и т. п. свойственны главным образом пожилым жителям деревни. Дифференциальные признаки участников социальных групп чаще всего перекрещиваются, складываясь в пучок сложных признаков типа: интеллигент старшего поколения; недостаточно воспитанный молодой человек; пожилой житель деревни и т. д.

Различия носителей языка по признакам образованности и места жительства проявляются главным образом у людей старшего поколения. У молодежи такие различия стираются. Это связано с прямым и непосредственным воздействием общества на речевую культуру говорящих посредством распространения литературного языка через школу, радио, газеты, телевидение и др. [3].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что любой человек, владеющий знаниями в области речевого этикета, может правильно выбрать те или иные формы общения и варианты воздействия на собеседника, а также в зависимости от ситуации, социального статуса коммуникантов и характера отношений подобрать соответствующие этикетные формулы. В этой связи комплиментарные высказывания, несомненно, являющиеся важным разделом речевого этикета, как раз направлены на успешную реализацию речевого поведения в конкретной ситуации общения.

Предметом исследования в данной статье являются особенности вербальной коммуникации в русском и калмыцком речевом поведении их роль в системе национально-специфических стереотипов общения.

Целью настоящей работы является изучение национальных особенностей речевой этикетной ситуации комплимент.

В последнее время под влиянием русского языка и речи в калмыцком языке стали обширно функционировать высказывания, калькированные с русского языка. Следует отметить, что не все фразы, буквально переведенные с русского языка, могут использоваться в калмыцком языке. Такого рода исследования, направленные на анализ, в том числе и традиционных и заимствованных формул комплимента, являются очень востребованными в современном калмыковедении.

Основными методами исследования явились: описательный метод, непосредственное наблюдение и метод анкетирования.

Комплимент относится к речевым актам, связанным с вежливостью, и в первую очередь отражает психологию и эмоциональный настрой человека. В генристике комплимент рассматривается как речевой жанр воздействующего (суггестивного) дискурса [4].

Как отмечает И.А. Стернин, известный исследователь в области коммуникативного поведения: «…основная цель комплимента состоит не столько в объективной положительной оценке адресата или предметов, входящих в его личную сферу, сколько в оказании положительного воздействия на эмоции адресата» [5].

С точки зрения М.Я. Гловинской, объектом комплиментанрой оценки выступает не только сам адресат комплимента, но и предметы, опосредованные его личностью, а также события или положения вещей в целом. «Говорящий (субъект комплимента) выделяет из числа известных ему свойств объекта комплимента те, которые могут быть квалифицированы как его достоинства, и обращает их к адресату», – пишет она в своих трудах [3].

Различные словари, в том числе и толковые, определяют комплимент как лестный отзыв или приятные для слуха адресата слова. «Комплимент – одобрение не только внешности, но и ума, поступка, какой-либо стороны деятельности человека. Назначение человека – это девяносто процентов добрых дел и добро достигается не только делом, но и высказыванием, похвалив что-то в человеке, мы одобряем его, его поступок», – поясняет суть комплимента Н.И. Формановская [6].

В кратком этимологическом словаре русского языка говорится, что «слово «комплимент» является заимствованием из французского языка, «compliment» – «комплимент, приветствие». В то же время в словаре М. Фасмера есть данные о заимствовании этого слова из немецкого и итальянского языков «немецкий: kompliment или итальянский: complimento» [7].

По мнению Н.Д. Арутюновой, «…комплимент один из типов речевых актов – фактически имеющий цель общения, а не сообщение информации» [8].

«Комплимент – это небольшое преувеличение достоинства, которое каждый желает видеть в себе», – говорит другой известный лингвист И.В. Панкратов. И, по его мнению, следует обратить особое внимание на то, чем комплимент отличается от лести: «Лесть подразумевает чрезмерное преувеличение положительных качеств личности, чаще всего приписывание достоинств, которых нет; комплимент же не допускает этого, он лишь опосредованно указывает на наличие у человека ряда положительных качеств» [9]. На важность разграничения коммуникативных границ комплимента и лести указывает и К.Ф. Седов, обращая внимание на статусное равноправие адресанта и адресата комплимента и статусно низкую позицию льстящего, а также называя существенное отличие лести от комплимента: «… лесть представляет собой разновидность лжи, т.е. осознанного искажения фактов реальной действительности». Анализируя комплимент как жанр речи представителей русской лингвокультуры, К.Ф. Седов выявляет пять ключевых признаков комплимента, способных выделить коммуникативное пространство указанного речевого жанра. Настоящий комплимент должен быть достоверным, искренним, комплиментарное высказывание должно соответствовать ситуации общения,

адекватно отражать статусно-ролевые отношения коммуникантов (уместный комплимент) и отражать индивидуальность адресата [5].

Итак, рассмотрим особенности речевого оформления ситуации «комплимент» в поведении русских. Комплименты, касающиеся внешнего вида, особенно дороги женщинам. Но нередко их говорят и мужчинам. При встрече, после разлуки, особенно для человека немолодого, комплиментом является указание на то, что его внешность не изменилась *Вы не меняетесь; Ты все такой же; Время вас щадит; Время тебя не берет; А вы все молодеете* и т.д.

Приуменьшение возраста адресата, если он, конечно, не юн, – сильнодействующий комплимент, опять-таки особенно для женщин: *Вам никак нельзя дать ваших лет; Тебе не дашь твоих сорока; Вы очень молодо выглядите* и т.д.

Комплимент внешности может отмечать удачную прическу, одежду (это тоже чаще достается женщинам): *Вам очень идет костюм; Этот цвет вам к лицу; Ты всегда одета со вкусом; У вас прекрасный вкус, вы так элегантно одеваетесь!*

Очень важным является уместность комплимента. Если, например, после доклада, выступления женщина вправе ждать одобрения своих деловых качеств, а говорящий расхваливает ее одежду, эффект такого комплимента может оказаться противоположным – ведь она ждет одобрения тех мыслей, которые она высказала, манеры говорить, умения обосновывать свою точку зрения, логически рассуждать, а не внешности.

Одобрение внутренних качеств очень существенно для человека. Например, ум и остроумие: *Вы так умны; Ты очень остроумен; У вас тонкое чувство юмора*. Или отмечается профессиональный уровень собеседника, его талант: *Вы прекрасный переводчик; Ты такой способный математик; Вы редкий специалист* и т.д. Похвала душевных и моральных качеств также имеют очень важное значение: *Ты всегда такая отзывчивая; Вы честный человек; Ты такая чуткая; У тебя прекрасный характер; С твоим характером легко жить; С тобою легко дружить; С вами интересно общаться* и т.д.

Очень часто встречаются также примеры одобрения поступка или поведения в целом: *Ты молодец!; Вы правильно (хорошо, прекрасно) поступили!*

В коммуникации русских комплимент в адрес близких также создает хорошее настроение у собеседника: *У вас прелестная дочка; У тебя такой симпатичный муж; У вас очаровательная жена!* При этом очень часто звучит похвала в адрес хозяйки дома: *Вы прекрасная хозяйка!; Вы замечательно готовите!; У вас в квартире такой уют!; Вы так гостеприимны! Вы на редкость радушные хозяева*.

В коммуникативном поведении русских приучить себя быть щедрым на похвалу в соответствующей ситуации и соответствующему собеседнику очень важно. И все это в меру, с чувством «соразмерности и сообразности», уместно.

Монгольский исследователь З. Чойдон, сопоставляя в своей работе русский акт комплимента и монгольский, отмечает, что в общении монголов рассматриваемое этикетное явление не очень распространено и в бытовой речи таких высказываний намного меньше, чем в русском общении [10].

Как известно, калмыцкий язык относится к монгольской семье языков и речевой акт комплимента в поведении калмыков, так же как и у монголов, имеет национально-культурную специфику, что отражается в «…восприятии окружающего его мира, которое отражено в национальной языковой картине», – отмечает известный ученый-монголовед Г.Ц. Пюрбеев [11].

Одним из традиционных правил поведения у калмыков, так же как и у многих восточных народов, является правило не выставлять напоказ или не хвалить в открытую своих близких, детей, родственников. Порой это выражается даже в использовании не очень хороших слов в адрес близкого человека. В этой связи значение распространенного сочетания в общении калмыков *мини му кө*в*үн* «мой плохой сын» далеко от буквального – этим самым калмык говорит о любви и том, насколько дорого и нежно он относится к своему ребенку, близкому родственнику и т.д.

Но в то же время следует отметить, что чувство ласкового комплимента, похвалы передается особыми словами-обращениями – *сәәхн минь* «красивый ты мой»: – *Пө – яһлав... сәәхн минь... Яһсн хурдмб?* (БО) «О, боже... дорогой ты мой, что

за быстрота?»; – *Йо, сәәхн минь, сән саната көвүн бәәҗич, – гиҗ эмгн санв* (hХ) «Ой, красивый ты мой, ты оказался еще и добрым, – подумала старушка».

Тем не менее, следует признать тот факт, что на сегодняшний день под влиянием русскоязычной среды в общении калмыков достаточно широко используются выражения, калькированные с русского языка, и подрастающее поколение в большинстве своем не понимает сугубо национальных формул.

Если рассмотреть комплиментарные высказывания по частотности их употребления, то в коммуникации русских наиболее распространенными являются высказывания в адрес внешнего вида человека, а также оценка его способностей и профессионализма. Последние два признака являются наиболее распространенными и в русском, и в калмыцком коммуникативном поведении, хотя все же у русских это несколько более частотное явление.

С позиции содержательной классификации комплименты по теме «Профессиональное мастерство» в обеих этнолингвокультурах преобладают над комплиментами, оценивающими в целом способности человека. Если в русском речевом поведении довольно частотной темой комплимента является кулинарное мастерство человека, то в калмыцком общении это практически не наблюдается.

Комплименты, затрагивающие внутренние и моральные качества людей, силу их характера, доброту и готовность оказать помощь другому человеку, в русском коммуникативном поведении не имеют широкого распространения.

С точки зрения грамматики, комплиментарные высказывания в русском и калмыцком языках – это двусоставные предложения с местоимениями, обозначающими адресата. *Вы неплохо смотритесь* – довольно распространенное высказывание в общении русских. У калмыков встречаются слова *сән* «хороший» или *гем уга* «неплохой». Более часто в адрес мужчин можно услышать в качестве комплимента слово *залу* «мужчина» или *йоста залу* «настоящий мужчина». Иногда отмечается и использование определения *әвртә* или *арhта*. Здесь можно привести пример из романа А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын». События романа разворачиваются в конце девятнадцатого и начале двадцатого века, то есть в дореволюционный и послереволюционный периоды. В романе говорится о жизни калмыков-бедняков, в частности история жизни Мудрешки и его сына, который, видя беды своего отца, страстно мечтает стать «сян кюном» – хорошим человеком. «Сян кюн» в понимании калмыков того времени – это образованный, справедливый, способный защитить и помочь всем нуждающимся человек. В адрес женской половины неприлично было открыто высказывать такого рода комплименты. Скорее встречались одобрительные высказывания в адрес понравившегося коня: – *Таасгдв, сән, йир сән мөрн, өлзәтә болг! – гиҗ әмтн хәәкрлдв* (ЧХ) «Понравился, хороший, очень хороший конь, пусть счастлив будет! – закричали люди».

В русском языке комплиментарные высказывания, характеризующие качества человека, в основном состоят из местоимения второго лица и краткого прилагательного: *Вы прекрасны, ты находчив* и т.д. Также общая положительная оценка довольно часто выражается глаголом «…который в русском языке во фразе-комплименте чаще употребляется в значении настоящего постоянного: Вы (ты) замечательно играете (- ешь) в шахматы», – отмечается в работе А.В. Сергеевой [12]. В калмыцком языке можно наблюдать следующие примеры: *Та (чи) йир сәәнәр нааддг бәәҗт* (hХ) «…Оказывается Вы очень хорошо играете»; – ...*Йосн залу бәәҗич! – гиhәд эн келв.* (ЧХ) «Ты оказался настоящим мужчиной! – сказал он».

Встречаясь после длительной разлуки, люди делают друг другу комплименты относительно внешности. В этом отношении русский язык располагает богатым набором комплиментов. В калмыцком языке подобные комплименты выражаются высказываниям – *Чи улм сәәхрәд бәәнәч, – гиҗ* Долдад *Күслә келв* [ОК] «Ты становишься еще красивее, – сказал Долде Кюсля»; *Та тер кевәрн* [hХ] «Вы не изменились».

Интересно наблюдение над трансформацией оценки в комплименте в подобной ситуации. Во времена СССР фраза «Как ты поправилась!» расценивалась как комплимент, в современной коммуникативной практике это высказывание приобрело негативную оценку.

Нередко комплиментом в русском и калмыцком речевом этикете является положительная оценка собеседника с точки зрения его манеры общаться с окружающими, оценка может касаться особенностей характера или степени умения общаться *С Вами (тобой) интересно разговаривать «Танла күүндхд йир соньн».*

Распространенным нейтрально-вежливым типом комплимента является оценка манеры одеваться, стричься, носить тот или иной цвет, что относится преимущественно к женщинам. Конструктивным центром является стереотип *Вам (тебе) идет «Танд (чамд) зокчана».*

Для выражения комплимента используются также различные сравнения, например: *– Пө, энтн йоста гүүдг мөрн болх бәәдлтә, өлнгәс боссн өлн цаһан туула болад, өрвкәд йовна... – гиҗ өвгн келснь соңсгдна* [ЦБ] «По, это настоящий скакун, он бежит словно заяц-беляк, вспугнутый с места лежки... – послышался голос старика».

В русском и калмыцком речевом этикете при вежливом общении комплимент может быть сделан родным и близким собеседника. В отличие от русского калмыцкий речевой этикет считает предосудительным во многих случаях хвалить человека в лицо или говорить ему комплименты. Сдержанность и скромность являются доминирующими признаками при коммуникации калмыков. Коммуниканты предпочитают косвенные речевые акты для выражения комплимента, иносказательную замену откровенной похвале. В традиции комплименты в калмыцком обиходе в чистом виде не обнаруживались, вследствие чего считаем, что к речевым актам выражения комплимента можно отнести один из жанров калмыцкого фольклора – магтал «восхваление». Например, в магтале «восхвалении» табунщику говорится о том, что он даже в кромешной темноте хорошо стережет свой табун, не потеряв ни одного коня: *Нүкн болсн бөөргт, нүдм чичм харңһуд, алдл уга хаяд, тәвл уга татдг. Туульсн мөрнәс унад уга, тордсн агтыг алдад уга, аля-дүүвр залу – арһмҗин хан – адуч!* (АК) «На тесной, как яма, равнине, в кромешной темноте, бросает без промаха, тянет не отпуская, не падавший с брыкливого коня, не упускавший промелькнувшего коня, молодцеватый мужчина – хан (властелин) аркана – табунщик!».

Главный комплимент заключен в последних словах комплимента-восхваления.

В основном магталы встречаются в калмыцком героическом эпосе «Джангар». Например, для описания несравненной красоты ханши Ага Шавдал используются такие выражения: *Цааран хәләхнь, цаад далан җирмәхәс тоолггдм, наараан хәләхнь, наад далан җирмәхәс тоолгдм, цуснас улан халхта, цаснас цаһан саната* (Ж) «Глянет направо – можно увидеть в сиянии её правой щеки мелкие рыбки дальнего океана, глянет налево – можно увидеть в сиянии её левой щеки мелкие рыбки ближнего океана, крови алее щеки её, снега белее мысли её».

Многочисленны также восхваления, воспевающие богатырей владыки Джангара и их богатырских скакунов.

Итак, опираясь на вышеприведенные примеры можно сказать, что, если в русскоязычной культуре основными объектами комплимента служат внешность, артефакты, способности и личные достижения адресата, то в калмыцкой – в основном, его личные достижения, поступки и заслуги. В калмыцком обиходе обычной реакцией на комплимент являются прерывание, шутливое несогласие или неприятие. Молчаливое, с опущенным взглядом, легкое смущение считается признаком воспитанности адресата.

Наблюдения показывают, что калмыцкая языковая культура, по сравнению с русской, отличается меньшей распространенностью комплимента в бытовом диалоге. Особенность применения речевого акта комплимента в русском и калмыцком речевом этикете обусловлена национально-культурной спецификой этих народов в восприятии мира, которое отражено в национальной языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицка А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. С. 251-276

2. Гловинская М.Я. Русские речевые акты и вид глагола / М.Я. Гловинская // Логический анализ языка, вып. 5. Модели действия. – М.: Индрик, 1992. – 166 с.

3. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты / Н.А. Формановская // – М.: Русский язык, 1987. – 156 с.

4. Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика / К.Ф. Седов // – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – 438 с.

5. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения / И.А. Стернин // – Воронеж, Полиграф, 2000. – 135 с.

6. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.И. Формановская // – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998. – 291 с.

7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах / Макс Фасмер // пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – Изд. 2-е, стер. – Москва: Прогресс, 1986-1987. – 22 см.

8. Арутюнова Н.Д. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.А. Кибрик и др. Российская Академия наук, Институт Языкознания. – М.: Наука, 1992. 280 с.

9. Панкратов В.Н. Психотехнология управления людьми / В.Н. Панкратов // – М.: Издательство института психотерапии, 2001. – 323 с.

10. Чойдон З. Категория вежливости и способы ее выражения / З. Чойдон // – Улаанбаатор, 2001. – 108 с

11. Пюрбеев Г.Ц. Исследования по языкам и культуре монгольских народов / Г.Ц. Пюрбеев // Сборник избранных статей. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2015. – 496 с.

12. Сергеева А.В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность / А.В. Сергеева // – М.: Флинта Наука, 2006. – 320 с.

УДК 811.161.1

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПРЕДЛОГОВ НА ПРИМЕРЕ ВРЕМЕННОЙ ПРОТЯЖЕННОСТИ

Ли Хуаньхуань
Аспирант Санкт-Петербургского государственного университета
SPIN-код 8693-6589

Статья посвящена когнитивно-лингвистическому исследованию механизмов репрезентации временных отношений, реализуемых посредством предложной системы современного русского языка. В центре научного внимания находится разработка инновационной когнитивной модели временной проекции (ВП), которая раскрывает концептуальные стратегии языкового конструирования темпоральной семантики.

Методологический инструментарий включает концептуальный анализ, корпусное исследование и метод когнитивного моделирования. На материале предлогов «в течение», «на протяжении» и «в продолжение» продемонстрирована эффективность разработанной модели временной проекции в раскрытии семантических различий темпоральных конструкций.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, временные предлоги, временная протяженность, пространственно-временная метафора, семантика предлогов, когнитивное моделирование.

COGNITIVE MODELING OF TEMPORAL MEANINGS OF PREPOSITIONS ON THE EXAMPLE OF TEMPORAL DURATION

Li Huanhuan
Postgraduate student of St. Petersburg State University
SPIN-code 8693-6589

The article is devoted to the cognitive-linguistic study of the mechanisms of representation of temporal relations realized through the prepositional system of the modern Russian language. The scientific focus is on the development of an innovative cognitive model of temporal projection (TP), which reveals the conceptual strategies of linguistic construction of temporal semantics.

The methodological tools include conceptual analysis, corpus research and the method of cognitive modeling. Using the material of the prepositions «в течение», «на протяжении» and «в продолжение» the effectiveness of the developed model of temporal projection in revealing the semantic differences of temporal constructions is demonstrated.

Keywords: cognitive linguistics, temporal prepositions, temporal extension, spatio-temporal metaphor, semantics of prepositions, cognitive modeling.

*****

Время является одной из фундаментальных категорий человеческого познания, которая находит универсальное и систематическое выражение в языке. В рамках современной лингвистической парадигмы особую актуальность приобретает исследование когнитивных механизмов концептуализации временных отношений и их языковой репрезентации. Когнитивная лингвистика рассматривает язык как отражение познавательной деятельности человека, как результат концептуализации, а семантику – как концептуальное содержание, выраженное языковыми формами.

В последние годы, с развитием когнитивной лингвистики, исследователи стали уделять значительное внимание отношениям между языковыми формами и концептуальными структурами, особенно в области выражения временных понятий. Такой интерес обусловлен тем, что временные отношения представляют собой сложную систему концептуальных связей, находящих отражение на различных уровнях языковой системы.

Предлоги, как важное средство выражения временных отношений, всегда находились в центре внимания лингвистических исследований. Однако традиционные исследования в основном сосредоточены на анализе лексической семантики и синтаксических функций предлогов, что не позволяет в полной мере раскрыть когнитивные механизмы формирования временных значений.

В рамках лексикографической практики описания временных предлогов обнаруживается комплекс существенных методологических затруднений, требующих внимания исследователей.

В первую очередь следует отметить тенденцию к интерпретации значения предлогов через семантически близкие предложные единицы, что существенно осложняет установление четких границ их семантики и функционально-прагматических особенностей употребления. Другой значимой проблемой является отсутствие системного разграничения между инвариантным значением предлога и его контекстуально обусловленными семантическими реализациями. Кроме того, различные лексикографические источники демонстрируют значительную вариативность в подходах к интерпретации идентичных предложных единиц, что проявляется, в частности, в существенных расхождениях относительно количества выделяемых значений [5, с. 92].

Данная проблематика указывает на необходимость разработки более совершенной методологии описания временных предлогов, которая позволила бы преодолеть существующие ограничения и обеспечить более точное и системное представление их семантических характеристик.

В свете указанных выше проблем становится очевидной необходимость более детального и комплексного исследования механизмов репрезентации временных понятий посредством предлогов на концептуальном уровне анализа. В данной статье предпринята попытка с позиций когнитивной лингвистики исследовать временную протяженность как базовую когнитивную модель предложной репрезентации временных понятий.

Время представляет собой сложную абстрактную категорию, недоступную для непосредственного чувственного восприятия человеком. Согласно положениям когнитивной лингвистики, человеческое познание темпоральности реализуется преимущественно через призму восприятия и непосредственного переживания процессов возникновения, изменения и завершения различных событий окружающей действительности [10, с. 27-35]. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, у человека нет специального органа для восприятия времени, но есть чувство времени. Чувство времени происходит из восприятия изменений в мире, основным источником которого является космическое время – смена дня и ночи, смена сезонов [1, с. 54]. Это означает, что познание и выражение времени неотделимо от восприятия различных форм событий.

В языке репрезентация событийного времени осуществляется посредством нескольких взаимосвязанных механизмов. Временная аспектуальность и темпоральность выступают центральными категориями выражения динамики действия и временных отношений. Особую роль в этой системе играет глагольный вид как способ отражения внутреннего времени действия, реализующийся через оппозицию совершенного и несовершенного вида. Данное противопоставление отражает две основополагающие характеристики – «целостность» и «процессуальность», которые непосредственно соотносятся с понятием временного предела [3], [4].

В структуре темпорального поля центральное положение занимают видовременные формы глагола, в то время как периферийную зону формируют

наречия, предложные конструкции, придаточные предложения и другие языковые формы [4, с. 5-14]. При этом предложные конструкции, являясь периферийными компонентами темпорального поля, преимущественно служат для выражения «внешнего времени» событий, то есть осуществляют локализацию событий в рамках широкой временной перспективы [4, 1990, с. 13-24].

Важным фактором в познании времени является роль наблюдателя, который выступает как активный субъект восприятия и концептуализации временных отношений. Согласно концепции Н.Д. Арутюновой, интеграция человека-наблюдателя в модель времени приводит к возникновению сложной дуалистической структуры, включающей два взаимосвязанных и одновременно противоречивых компонента: статическую точку и динамическое движение, причем именно движение привносит в эту систему направленный характер. В данном контексте точка существования трансформируется в точку зрения, обретая динамические характеристики: точка движется, время движется вместе с ней, мир событий также движется вдоль временной линии [1, с. 53].

В контексте русского языкового мышления временная протяженность выступает в качестве типичной характеристики категории времени. Исследования Г.И. Берестнева демонстрируют, что в современном русском языковом сознании время концептуализируется как феномен, обладающий линейной протяженностью, которая аналогична линейности одномерных пространственных объектов. Примечательно, что для носителей русского языка протяженность является имманентным свойством времени, не требующим обязательной корреляции с конкретными событиями.

В работах Г.И. Берестнева отмечается, что осмысление временных отношений на метонимической основе представляет собой когнитивную универсалию, представленную четырехчленной моделью: «событие» – «отрезок времени, в котором данное событие осуществляется» – «время некоторой протяженности» – «время вообще» [2, с. 33]. Подобная концептуализация временных отношений в русском языковом сознании не только отражает специфику национального восприятия темпоральности, но и демонстрирует универсальные когнитивные механизмы, лежащие в основе человеческого понимания и репрезентации временных отношений.

Временная протяженность как базовая характеристика временной когниции реализуется на различных уровнях языковой системы. На семантическом уровне, согласно исследованиям Н.А. Потаенко, временные значения, передаваемые обстоятельствами времени, разделяются на три основных типа: когда, протяженность во времени, частота [8, с. 121]. При этом временная протяженность, выступая одним из основных типов, представляет собой базовый механизм концептуализации времени в русском языковом сознании.

На грамматическом уровне, согласно А.В. Бондарко, длительность (протяженность) определяется в качестве типичной аспектуально-темпоральной характеристики в темпоральном поле [4, с. 7]. Данное положение свидетельствует о системном характере реализации категории временной протяженности в грамматической структуре языка.

На лексическом уровне прослеживается формирование специализированных языковых средств для выражения временной протяженности. В предложной системе сформировались предлоги, непосредственно выражающие концепт временной протяженности: «в течение», «в продолжение», «на протяжении». Специфика данных предлогов заключается в том, что они приобретают темпоральное значение длительности непосредственно от существительных, семантически связанных с выражением протяженности [9, с. 138].

Формирование временной протяженности как концептуальной категории неразрывно связано с механизмом пространственно-временной метафоризации. По утверждению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, время воспринимается и выражается преимущественно в пространственных терминах [11, с. 41]. В рамках данной концептуальной системы наблюдается последовательное проецирование

пространственных параметров на темпоральную сферу. Так, пространственный концепт «длины» трансформируется в темпоральное понятие «длительности», создавая когнитивную основу для осмысления протяженности временных интервалов. Аналогичным образом, характеристика «непрерывности», первоначально осмысляемая в пространственных категориях, проецируется на временную плоскость, порождая представление о «временной непрерывности». Особую значимость приобретает проекция пространственной «направленности» на темпоральную сферу, результатом которой становится понятие «однонаправленности времени».

В раннее проведенных нами исследованиях установлено, что русские временные предлоги «в течение», «на протяжении» и «в продолжение» последовательно проецируют пространственные характеристики «длительность», «непрерывность» и «линейность» на временную область [6, с. 82]. Выявленная систематическая проекция демонстрирует статус временной протяженности как базовой концептуальной категории в русской временной когниции, находящей отражение в системе языковых средств и способах концептуализации временных отношений.

Современная когнитивная парадигма, опирающаяся на положения семантической теории, постулирует, что семантическая структура является неотъемлемым компонентом концептуальной структуры, находящим непосредственное языковое выражение [12, с. 183-210]. Данное теоретическое положение позволяет нам концептуализировать временную протяженность как базовую когнитивную модель предложной репрезентации временных понятий (сокращенно ВП), которая представляет собой комплексный механизм отражения воспринимаемого наблюдателем временного диапазона события, локализованного на временной оси относительно определенной точки отсчета.

Концептуальная модель ВП характеризуется наличием четырех структурных элементов:

1. наблюдатель, выступающий субъектом выбора временных координат, роль которого в большинстве случаев выполняет говорящий;

2. временная ось: согласно исследованиям Е.В. Падучевой о временной лексике русского языка, существуют три основные временные модели, формирующие концепты временной лексики в русском языке:

– модель текущего времени,

– модель скалярная,

– модель встречного движения [7, с. 392-410];

3. временные ориентиры, образующие темпоральную шкалу и представляющие собой точки отсчета на временной оси, которые могут быть выражены как конкретными календарными датами, так и определенными событиями;

4. точка отсчета и момент речи, функционирующие в качестве опорных точек для определения временной локализации.

Эмпирическое обоснование валидности модели ВП демонстрируется через анализ функционирования предлога «в» в темпоральных контекстах. Данный предлог реализует две основные пространственные схемы, которые при проекции на временную область демонстрируют системные закономерности семантической трансформации. В конструкции «в + предложный падеж» актуализируется пространственное значение нахождения внутри определенных границ, которое при темпоральной интерпретации трансформируется в концепт локализации события внутри временного промежутка, что иллюстрируется примерами «в 2020 году», «в январе». В конструкции «в + винительный падеж» реализуется динамический аспект пространственных отношений, связанный с идеей движения внутрь, который в темпоральном контексте репрезентирует динамическое развертывание временных отношений, что демонстрируется примерами «в последние годы», «в настоящее время».

Статистический анализ корпуса из 500 примеров временного употребления предлога «в» выявляет следующие закономерности дистрибуции:

- в + предл. п. сочетается со словом год 112 раз, что указывает на его специализацию в выражении определенного временного промежутка;

- в + вин. п. демонстрирует высокую частотность сочетаемости с прилагательными последний, настоящий и др., выражая динамическое развитие времени.

Теоретическая значимость модели ВП реализуется в нескольких взаимосвязанных аспектах.

Во-первых, она осуществляет интеграцию теории пространственно-временной концептуальной метафоры с теорией семантического поля, что позволяет эксплицировать механизмы проецирования пространственных схем на темпоральные понятия посредством предложной системы.

Во-вторых, включение перспективы наблюдателя в модель отражает фундаментальный принцип субъективности когнитивной лингвистики, акцентируя роль антропоцентрического фактора в концептуализации временных отношений.

В-третьих, модель предоставляет эффективный теоретический инструментарий для анализа семантических различий временных предлогов, позволяя объяснить такие тонкие семантические оппозиции, как «в данный момент» / «на данный момент» и дифференциальные признаки предлогов «в течение» и «в продолжение».

Разработанная модель временной протяженности, продемонстрировавшая свою эффективность при анализе базового предлога «в», может быть успешно применена для исследования более сложных случаев предложной репрезентации временных отношений. Особый интерес в этом контексте представляет анализ производных предлогов, выражающих одновременные отношения, поскольку они демонстрируют различные аспекты концептуализации временной протяженности в языковой картине мира.

На основе модели ВП представляется возможным провести анализ производных предлогов, выражающих одновременные отношения, таких как «в течение», «в продолжение» и «на протяжении». Каждый из анализируемых предлогов характеризуется специфической системой концептуализации временных отношений, что проявляется в их семантических и функциональных особенностях.

Предлог «в течение» демонстрирует сложную систему концептуальных характеристик, этимологически связанную с глаголом «течь», что определяет его исходное значение как «течение» или «бег». В семантической структуре данного предлога сохраняются базовые характеристики водного потока: «непрерывность», «продолжительность» и «динамичность». Особенно значимым является формирование особой характеристики временной непрерывности точек, обеспечивающей возможность его использования для выражения ситуаций «возможного наступления в любой момент в течение периода времени». Данные особенности наглядно иллюстрируются примерами из Национального корпуса русского языка: «Повышает давление, действует в течение 4-х часов, затем резкий спад, лень, сонливость» (naverno. Запись LiveJournal (2004)) [НКРЯ].

Предлог «на протяжении» характеризуется тесной связью с пространственными концептами «протяжения» и «растяжения» и преимущественно используется для выражения более длительных временных периодов. Корпусные исследования демонстрируют повышенную частотность его сочетаемости со словами, обозначающими длительные периоды времени, такими как «век», «лет», «столетие». Данный предлог проявляет специфическую функциональность при описании макровременных интервалов [6, с. 85], что подтверждается репрезентативными примерами из корпуса: «[Нино Риччи] На протяжении всего фильма он искренне верит в любовь и старается получить это недостающее ему чувство» (Форум: Рецензия на фильм «Поймай меня, если сможешь» (2006-2011)) [НКРЯ].

Предлог «в продолжение», этимологически восходящий к корню, связанному с понятием «длины», обнаруживает высокую частотность сочетаемости с событийными существительными, а не с чисто временными словами. Функционально данный предлог специализируется на усилении продолжительности самого события, причем корпусные данные свидетельствуют о преобладании сочетаемости с событийными существительными, превышающей 70% [6, с. 86]. Специфика его употребления ярко отражена в следующем примере: «В продолжение всей моей болезни мне казалось, что я прикован бесчисленными цепями к какой-то глухой стене, которая меня мучила» (А. Н. Апухтин. Между жизнью и смертью (1892)) [НКРЯ].

Таким образом, применение модели ВП к анализу производных предлогов, выражающих одновременные отношения, позволяет выявить специфические характеристики концептуализации временных отношений в каждом случае, что подтверждает эффективность разработанной модели.

Исследование схематических структур темпоральных предлогов в рамках модели временной проекции позволяет эксплицировать их семантические свойства посредством анализа комплекса взаимодействующих признаков.

Характеристики границ темпоральных предлогов демонстрируют принципиальные различия в их структурной организации. Предлог «в течение» характеризуется непрерывным точечным временным диапазоном с четко обозначенной конечной границей. «На протяжении» представляет временной диапазон с размытыми границами, где акцентируется общая протяженность процесса. Предлог «в продолжение» отличается наличием двух маркированных границ с акцентом на целостности процесса события.

Динамические характеристики каждого предлога также имеют существенные отличия. «В течение» раскрывает динамичность через непрерывность точек, «на протяжении» демонстрирует динамику общей протяженности, а «в продолжение» фокусируется на динамике продолжения процесса.

Взаимодействие с событийным временем раскрывается через следующие семантические характеристики: «в течение» способен выражать внутреннюю продолжительность события, его повторяемость или потенциальность наступления в любой временной точке; «на протяжении» подчеркивает общий временной диапазон события, представленного последующим существительным; «в продолжение» акцентирует непрерывность процесса времени или события, выраженного последующим существительным.

Модель ВП как базовая модель предложной репрезентации временных понятий основана на контейнерной схеме. На концептуальном уровне наблюдатель интерпретирует событие как элемент, помещенный в определенный диапазон темпоральной оси.

Базовая контейнерная схема включает три компонента: 1) временную ось как фоновую структуру, 2) событие как содержательный элемент и 3) границы, формируемые темпоральными ориентирами субстантивной природы.

Пространственные схемы предлогов через механизм концептуальной метафоры проецируются и интегрируются с контейнерной схемой временной проекции, формируя различные темпоральные концептуальные конструкции.

Рассмотрим схему предлога «в течение»: пространственная контейнерная схема предлога «в» соединяется с контейнерной схемой временной проекции, а пространственная схема «течения» привносит характеристику непрерывной точечности. В результате формируется временная концептуальная схема с четкими границами и точечной непрерывностью, что объясняет семантику «возможного наступления в любой точке временного промежутка».

Аналогичным образом, для предлога «на протяжении» пространственная схема «на поверхности» модифицирует границы контейнерной схемы, а схема «протяжения» усиливает диапазонную протяженность. Результатом становится темпоральная концептуальная структура с размытыми границами и явной протяженностью, что обусловливает его преимущественное использование для репрезентации длительных временных периодов.

Проведенный анализ, базирующийся на модели временной проекции, раскрывает семантические особенности и функциональные различия предлогов при выражении временных понятий. Корпусные сочетаемостные характеристики выступают непосредственной манифестацией описанных схематических структур в языковой системе.

Представленная в настоящей статье когнитивная модель временной проекции (ВП) открывает новые перспективы в интерпретации предложной репрезентации временных понятий.

Предложенная модель не просто описывает существующие языковые явления, но раскрывает когнитивные механизмы конструирования временной семантики. Будущие исследования могут быть расширены на другие типы временных предлогов, углубляя понимание механизмов выражения временной семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Язык и время: Посвящается светлой памяти Н.И. Толстого / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 51-61.

2. Берестнев Г.И. Когнитивное освоение времени / Г.И. Берестнев // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками / отв. ред. В.И. Заботкина. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – С. 27-33.

3. Бондарко А.В. Временная локализованность / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 347 с.

4. Бондарко А.В. Темпоральность / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.

5. Бороздина И.С. Семантика пространственных предлогов: На материале англ. и рус. яз.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.С. Бороздина. – М., 2012. – 219 с.

6. Ли Х. Когнитивно-лингвистический анализ временных предлогов в русском языке: применение пространственно-временной метафоры / Х. Ли // Terra Linguistica. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 78-89.

7. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

8. Потаенко Н.А. Время в языке (Опыт комплексного описания) / Н.А. Потаенко // Логический анализ языка: Язык и время: Посвящается светлой памяти Н.И. Толстого / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 113-121.

9. Суровцева С.И. Структурные и семантические свойства лексических и фразеологических предлогов со значением темпоральности в современном русском и французском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / С.И. Суровцева. – Челябинск, 2006. – 222 с.

10. Evans V. Language and Time: A Cognitive Linguistics Approach / V. Evans. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 266 p.

11. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

12. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites / R.W. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 512 p.

УДК 372.881.1; 378

ЦИФРОВОЙ СТОРИТЕЛЛИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ МЕДИАГРАМОТНОСТИ И ИНОЯЗЫЧНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ

Мирзабекова Анна Арменовна
Старший преподаватель каф. ин. яз. №2
РЭУ им. Г.В. Плеханова

Статья посвящена исследованию внедрения цифрового сторителлинга в преподавание профессионально-ориентированного иностранного языка для студентов факультета журналистики. В работе рассматривается методика интеграции мультимодальных технологий в образовательный процесс, направленная на развитие профессиональных навыков через выполнение творческих и аналитических проектов. Описаны этапы реализации методики, включая подготовку, выполнение заданий и анализ результатов. Исследование базируется на эмпирическом анализе изменений в мотивации, вовлечённости и готовности студентов к применению иностранного языка в профессиональной деятельности. Результаты проведенного исследования подтверждают эффективность цифрового сторителлинга как инструмента профессионально-ориентированного обучения и демонстрируют его потенциал для применения в различных образовательных контекстах.

Ключевые слова: цифровой сторителлинг, мультимодальное обучение, профессионально-ориентированный иностранный язык, журналистика, образовательные технологии, профессиональные навыки, обучение иностранным языкам.

DIGITAL STORYTELLING AS A TOOL FOR DEVELOPING MEDIA LITERACY AND FOREIGN LANGUAGE PROFESSIONAL SKILLS

Mirzabekova Anna Armenovna
Plekhanov Russian University of Economics

The article is devoted to the study of the introduction of digital storytelling in teaching a professionally oriented foreign language to students of the Faculty of Journalism. The paper considers the methodology for integrating multimodal technologies into the educational process, aimed at developing professional skills through the implementation of creative and analytical projects. The stages of the methodology implementation are described, including preparation, assignments and analysis of the results. The study is based on an empirical analysis of changes in students' motivation, involvement and readiness to use a foreign language in their professional activities. The results of the study confirm the effectiveness of digital storytelling as a tool for professionally oriented learning and demonstrate its potential for use in various educational contexts.

Keywords: digital storytelling, multimodal learning, professionally oriented foreign language, journalism, educational technologies, professional skills, foreign language teaching.

*****

В условиях динамичного развития информационно-коммуникационных технологий, журналистика как профессия требует не только владения

традиционными навыками работы с текстом, но и способности адаптироваться к новым реалиям медиапроизводства. Современный журналист выступает не только создателем, но и куратором контента, работающим с различными мультимодальными форматами, что требует высокой степени профессиональной гибкости, медиаграмотности и владения иностранными языками [9].

Особую значимость в подготовке журналистов приобретает знание иностранных языков. В современном медиапространстве языковая компетенция выходит за пределы базового общения, включая умение работать с международными источниками, анализировать и адаптировать мультимедийные материалы для глобальной аудитории. В этом контексте медиаграмотность становится неотъемлемым элементом подготовки.

Вызовы, стоящие перед современным журналистом, требуют пересмотра подходов к образовательным программам. Обучение должно быть ориентировано на формирование медиаграмотных, мультикультурных специалистов, способных эффективно работать в цифровой среде. Знание иностранных языков, интегрированное в профессиональную подготовку с помощью инновационных технологий, предоставляет уникальные возможности для формирования нового поколения журналистов, готовых к вызовам цифровой эпохи.

Примером актуального подхода к интеграции языковой подготовки и профессиональных задач является использование цифрового сторителлинга, который объединяет традиционные методы повествования с мультимедийными инструментами. Данный подход позволяет развивать языковые и профессиональные компетенции через работу с реальными кейсами: через создание видеоподкастов, визуальных историй и интерактивных публикаций.

Целью данного исследования является разработка методики интеграции цифрового сторителлинга в процесс обучения английскому языку студентов-журналистов.

Научная новизна исследования заключается в разработке адаптированной методики цифрового сторителлинга для обучения будущих журналистов, основанной на использовании отечественных цифровых платформ. Практическая значимость работы заключается в возможности применения предложенной методики для повышения уровня языковой подготовки студентов, их медиаграмотности и готовности к выполнению профессиональных задач в условиях цифровой среды.

На современном этапе развития информационно-коммуникационных технологий метод последовательного изложения истории в интернет-пространстве от привычной текстовой формы переходит в формат использования современных типов медиа (различные формы представления информации: текстовая, аудиальная, графическая, видео). Таким образом, традиционный нарратив заменяется цифровым аналогом – цифровым повествованием (digital storytelling). В литературе приводятся различные варианты обозначения данного явления: цифровое эссе, интерактивное повествование, компьютерный рассказ, мультимедийный сторителлинг, лонгрид и др. – все номинации сохраняют общую идею увлекательного рассказа с использованием широкого мультимедийного инструментария [5]. В нашем исследовании мы будем отождествлять цифровой и мультимедийный сторителлинг, понимая под этим способ представления информации в цифровой среде в виде истории с использованием мультимедийных технологий (вербального текста, фотографии, аудио- и видеоматериалов, графики, инфографики, анимации и других производных от них форм).

Цифровой сторителлинг, представляющий собой синтез традиционного повествования и современных цифровых технологий, становится одним из наиболее перспективных направлений в области образования. Его уникальность заключается в возможности соединения традиционных методов обучения с инновационными мультимедийными инструментами, что позволяет не только повысить вовлечённость обучающихся, но и развить у них широкий спектр компетенций [7].

Цифровой сторителлинг органично интегрируется в современные педагогические парадигмы, среди которых выделяются компетентностный, проектный, деятельностный и смешанный подходы. Компетентностный подход, широко обсуждаемый в научной литературе, фокусируется на формировании у студентов необходимых для современной жизни компетенций, таких как медиаграмотность, критическое мышление и цифровая грамотность. Как отмечают В. И. Токтарова и Д. А. Семенова, цифровой сторителлинг способствует развитию этих навыков, создавая условия для более глубокого понимания сложных образовательных концепций и стимулируя студентов к самостоятельному поиску решений [8].

Проектное обучение является ещё одним важным педагогическим подходом, в рамках которого цифровой сторителлинг находит успешное применение. Исследования, показывают, что участие студентов в проектной деятельности не только повышает их мотивацию, но и способствует развитию исследовательских и коммуникативных навыков [12]. При этом проектный характер цифрового сторителлинга позволяет студентам принимать активное участие в создании контента, что укрепляет их уверенность в своих способностях и формирует устойчивую базу для будущей профессиональной деятельности.

Деятельностный подход, лежащий в основе многих современных образовательных технологий, также тесно связан с цифровым сторителлингом. Основной акцент здесь делается на активное участие студентов в учебном процессе, что стимулирует их к самостоятельному решению поставленных задач. М.В. Никифорова подчёркивает, что «применение цифрового сторителлинга в педагогическом процессе способствует привлечению и удержанию внимания обучающихся, повышает их вовлеченность в педагогический процесс», что соответствует принципам деятельностного подхода [6, с. 133].

Смешанное обучение, сочетающее элементы традиционного и дистанционного обучения, также представляет основу для внедрения цифрового сторителлинга. Этот подход обеспечивает гибкость образовательного процесса и позволяет максимально эффективно использовать как классные занятия, так и самостоятельную работу студентов [2]. Исследования Н. А. Исаевой, А. В. Овчинниковой, А. С. Тимашовой демонстрируют, что цифровой сторителлинг, интегрированный в смешанное обучение, способствует не только усвоению знаний, но и развитию навыков межкультурной коммуникации, что особенно важно в условиях глобализации [4].

Определение цифрового сторителлинга как педагогической технологии базируется на следующих элементах, беспечивающих его уникальность и эффективность. Во-первых, это сюжет и структура повествования. История, созданная в рамках цифрового сторителлинга, должна обладать чёткой структурой, включающей завязку, развитие событий и кульминацию. Такой подход не только удерживает внимание аудитории, но и развивает у студентов навыки логического и последовательного изложения мыслей [5]. Во-вторых, интеграция мультимедийных компонентов – использование различных форматов данных (текста, аудио, видео и графики) усиливает восприятие информации [1].

Интерактивность также играет важную роль в цифровом сторителлинге. Включение элементов взаимодействия (гиперссылки, комментарии и мультимедийные вставки) стимулирует студентов к активному участию в образовательном процессе и развитию медиаграмотности [4].

Таким образом, современные исследования подтверждают высокую эффективность цифрового сторителлинга как образовательной технологии: он стимулирует развитие критического мышления, медиаграмотности и навыков работы с мультимедийным контентом, что делает его незаменимым инструментом подготовки студентов к профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации общества.

Для успешной реализации данной технологии в фокусе преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка в журналистике требуется ее адаптация к образовательному процессу.

Методологическое обоснование использования цифрового сторителлинга в обучении английскому языку будущих журналистов строится на объединении подходов к развитию как профессиональных, так и языковых навыков. Предложенная методика основывается на теории мультимодального обучения [10], которая доказывает, что сочетание разных способов подачи информации помогает студентам лучше усваивать и язык, и профессиональные умения. Такой подход особенно важен сегодня, когда медиасфера активно меняется и растет потребность в журналистах, способных создавать качественные мультимедийные материалы на английском языке. Практическая реализация методики включает три последовательных и взаимосвязанных этапа, у каждого из которых есть свои конкретные задачи и способы их реализации.

Подготовительный этап характеризуется формированием базовых компетенций в области цифрового сторителлинга и освоением необходимого инструментария. На данном этапе особое внимание уделяется изучению нарративных структур и их адаптации к цифровой среде. В соответствии с теорией нарративной журналистики [11], студенты осваивают основные элементы повествования: завязку, развитие сюжета, кульминацию и завершение. Важным аспектом является интеграция отечественных платформ (ВКонтакте, Яндекс.Дзен, RuTube, Telegram) в образовательный процесс, что отвечает принципу локализации глобальных образовательных практик.

Основной этап реализации методики представляет собой комплексную систему индивидуальных и групповых заданий, направленных на формирование профессиональных компетенций через призму иноязычной коммуникации.

Индивидуальные задания структурированы по следующим направлениям:

1. Создание блогового контента:

"*Write a blog post about current media trends in journalism*" (написание поста о современных трендах в журналистике) предполагает анализ актуальных тенденций медиаиндустрии. Например, исследование темы "How Artificial Intelligence is Transforming Journalism" требует от студентов не только владения профессиональной терминологией на английском языке, но и понимания технологических аспектов современной журналистики.

"*Research and write an opinion piece on the ethics of digital media*" (проведите исследование и напишите авторскую статью об этике цифровых медиа) развивает навыки аналитического письма и критического мышления.

2. Репортажная деятельность:

"*Prepare a local event report in English*" (подготовьте отчет о городском мероприятии на английском языке) формирует навыки полевой журналистики в контексте использования английского языка в профессиональной сфере. Задание "Cultural Life of the City Through the Eyes of Young Journalists" развивает способность к межкультурной коммуникации и адаптации локального контента для международной аудитории.

"*Create a photo-essay with captions in English*" (создайте фотоэссе с комментариями на английском языке) интегрирует визуальную грамотность с языковыми навыками, что соответствует принципам мультимодального обучения.

3. Переводческие и адаптационные задания:

"*Translate and adapt an article from English to Russian and vice versa*" (выполните перевод и адаптацию статьи в двух направлениях: с английского языка на русский и с русского на английский) развивает навыки межъязыковой медиации и культурной адаптации контента.

"*Revise and localize an international news article for a Russian audience*" (отредактируйте и адаптируйте международную новостную статью для российской аудитории) формирует компетенции в области глокализации медиаконтента.

4. Формирование профессионального портфолио:

"Create a portfolio with your best works, including visual elements" (создайте портфолио с вашими лучшими работами, включая визуальные элементы) способствует развитию навыков профессиональной самопрезентации на английском языке.

"Organize a multimedia showcase of your journalistic projects" (организуйте мультимедийную презентацию журналистских проектов) формирует компетенции в области мультимедийной журналистики.

5. Создание аудиоконтента:

"Record a short personal podcast on a trending media topic" (запишите короткий персональный подкаст на популярную тему в СМИ) развивает навыки устной профессиональной коммуникации на английском языке.

"Interview a peer or expert and create an English podcast episode" (возьмите интервью у коллеги или эксперта и создайте эпизод подкаста на английском языке) формирует компетенции в области интервьюирования на иностранном языке.

6. Производство мультимедийных новостных материалов:

"Develop a brief multimedia news story for a Telegram channel" (разработайте краткий мультимедийный новостной сюжет для канала Telegram) интегрирует навыки работы с различными медиаформатами при создании новостного контента.

"Create a video news segment on a community issue" (создайте видеосюжет о новостях, связанных с общественной проблемой) развивает компетенции в области видеожурналистики с использованием английского языка.

Групповые задания реализуются в формате проектной деятельности и включают:

1. Создание видеорепортажей:

"Produce a video report on a cultural or social event in your city" (создайте видеоотчет о культурном или общественном событии в вашем городе) развивает навыки командной работы и распределения ролей в медиапроизводстве.

"Interview local community members and create a video story in English" (возьмите интервью у членов местного сообщества и создайте видеосюжет на английском языке) формирует компетенции в области социальной журналистики.

2. Разработка мультимедийных проектов:

"Develop a multimedia presentation on a global issue" (разработайте мультимедийную презентацию по глобальной проблеме) способствует формированию навыков работы с комплексными медиапроектами.

"Create an interactive story using domestic platforms" (создайте интерактивную историю, используя отечественные платформы) развивает компетенции в области интерактивного сторителлинга.

3. Коллаборативные медиапроекты:

"Organize a weekly news digest in English" (организуйте еженедельный новостной дайджест на английском языке) формирует навыки работы с новостным контентом и его агрегацией.

"Participate in a creative competition for the best holiday-themed project" (примите участие в творческом конкурсе на лучший проект на праздничную тематику) развивает креативные компетенции в контексте событийной журналистики.

Завершающий этап фокусируется на оценке и рефлексии достигнутых результатов. Данный этап включает:

1. презентацию работ: 1) индивидуальные презентации, моделирующие профессиональные ситуации (пресс-конференции, медиафорумы); 2) групповые презентации с распределением ролей и зон ответственности;

2. систему обратной связи: 1) анализ сильных сторон проектов (оригинальность, техническое исполнение и языковая компетентность); 2) выявление областей для улучшения через призму профессиональных стандартов; 3) письменную рефлексию студентов по теме "Key Lessons Learned from This Project" / «Основные уроки, извлеченные из этого проекта»;

3. систему оценивания: 1) разработку критериев оценки, учитывающих языковые и профессиональные аспекты; внедрение элементов «peer-assessment» (оценивание работ друг друга) для развития критического мышления;

4. механизмы дальнейшего использования созданных материалов: 1) публикацию лучших работ на образовательных платформах; 2) создание банка учебных материалов для будущих групп.

Эффективность предложенной методики подтверждается результатами пилотного внедрения, демонстрирующими значительное повышение уровня профессионально-ориентированной иноязычной компетенции студентов-журналистов. Методика обладает гибкостью и адаптивностью, что позволяет модифицировать её элементы в соответствии с конкретными образовательными условиями и потребностями обучающихся.

Эмпирическая верификация эффективности интеграции цифрового сторителлинга в образовательный процесс осуществлялась посредством комплексного анкетирования, реализованного в парадигме экспериментального исследования с использованием pre-test и post-test дизайна. Методологический инструментарий исследования базировался на психометрической шкале Лайкерта, валидность которой подтверждена многочисленными исследованиями в области социальных наук и педагогической психологии [3; 13]. Выбор пятибалльной градации от «полностью не согласен» (1) до «полностью согласен» (5) обусловлен оптимальным балансом между дифференцирующей способностью шкалы и когнитивной нагрузкой на респондентов при выборе ответа.

Структура исследования включала лонгитюдное измерение четырех компонетов: аффективного компонента (интерес к мультимодальному обучению), инструментально-технологического компонента (уверенность в использовании цифровых инструментов), лингвистического компонента (развитие языковых компетенций) и метакогнитивного компонента (медиаграмотность).

Статистический анализ полученных данных производился с применением методов дескриптивной статистики и инференциального анализа. Количественные результаты демонстрируют статистически значимые изменения по всем измеряемым параметрам ($p < 0.05$). Наиболее существенная динамика наблюдается в показателях уверенности использования цифровых инструментов и медиаграмотности ($\Delta = +1.7$, $\sigma = 0.8$ и 0.7 соответственно), что коррелирует с интенсивностью практического применения соответствующих навыков в ходе реализации образовательной программы.

Анализ динамики по отдельным компонентам показывает следующие результаты (Таблица 1):

Таблица 1 – Шкала Лайкерта: изменения показателей

Аспект	Средний балл до интеграции	Средний балл после интеграции	Изменение	Стандартное отклонение
Интерес к мультимодальному обучению	2,8	4,3	+1,5	0,7
Уверенность в использовании инструментов	2,5	4,2	+1,7	0,8
Развитие языковых компетенций	3,2	4,6	+1,4	0,6
Медиаграмотность	2,7	4,4	+1,7	0,7

Начальные показатели интереса к мультимодальному обучению ($\bar{x} = 2.8$) отражают типичную для российского образовательного контекста ситуацию ограниченной интеграции мультимедийных технологий в учебный процесс. Финальные измерения ($\bar{x} = 4.3$) демонстрируют существенное повышение

вовлеченности студентов, что подтверждает эффективность выбранного педагогического подхода.

Показательна динамика в области технологической компетентности: увеличение среднего балла с 2.5 до 4.2 свидетельствует о формировании устойчивых навыков работы с цифровыми инструментами. Особенно значимым представляется тот факт, что развитие технологических компетенций происходило в контексте реальных профессиональных задач, что способствовало формированию интегрированных навыков цифровой журналистики.

Лингвистический компонент показал наиболее высокие финальные значения ($\bar{x}$ = 4.6), что подтверждает эффективность мультимодального подхода в развитии языковых компетенций. Данный результат коррелирует с исследованиями в области когнитивной лингвистики, демонстрирующими повышенную эффективность усвоения языкового материала в контексте мультимодальной деятельности [14].

Развитие медиаграмотности (изменение с 2.7 до 4.4) отражает формирование критического мышления и аналитических компетенций в работе с цифровыми медиа. Данный результат особенно значим в контексте современных требований к профессиональной подготовке журналистов и соответствует международным стандартам медиаобразования.

Полученные результаты свидетельствуют об эффективности интеграции технологии цифрового сторителлинга в образовательный процесс и формируют эмпирическую базу для дальнейшего развития методики профессионально-ориентированного обучения английскому языку студентов-будущих журналистов.

Анализ процесса внедрения методики цифрового сторителлинга в образовательную практику выявил также ряд существенных проблемных аспектов, требующих системного подхода к их преодолению. Неравномерность технического оснащения и различия в качестве интернет-соединения могут создавать барьеры для полноценной реализации мультимодальных проектов. Преодоление данных трудностей возможно через создание гибридных форматов работы, предусматривающих как онлайн, так и офлайн компоненты, а также через разработку альтернативных сценариев реализации проектов с учетом доступной технической инфраструктуры.

Исследования показывают [3], что интеграция цифрового сторителлинга требует от преподавателей не только технической компетентности, но и понимания принципов мультимодальной педагогики. Для преодоления данного вызова рекомендуется организация системы непрерывного профессионального развития педагогов, включающей: регулярные практико-ориентированные семинары по освоению цифровых инструментов; мастер-классы по интеграции мультимодальных технологий в языковое обучение; разработку методических материалов и инструкций по реализации различных типов проектов.

Рекомендации для преподавателей, реализующих методику цифрового сторителлинга, основываются на принципах адаптивной педагогики и включают следующие аспекты:

1) методическое планирование: разработка технологических карт занятий; создание банка альтернативных заданий различного уровня сложности; интеграция элементов формирующего оценивания на всех этапах работы; разработка четких критериев оценки мультимодальных проектов;

2) организация учебного процесса: поэтапное усложнение заданий с учетом зоны ближайшего развития студентов; создание поддерживающей образовательной среды через организацию регулярных консультаций.

3) технологическая поддержка: создание пошаговых инструкций по работе с цифровыми инструментами; организация технических консультаций для студентов.

Результаты проведенного исследования формируют основу для дальнейшего развития методики цифрового сторителлинга и ее адаптации к различным образовательным контекстам, что особенно актуально в условиях продолжающейся цифровой трансформации высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азевич А. И. Мультимедийные лонгриды как средство формирования коммуникативных умений школьников / А. И. Азевич // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2018. – Т. 15. № 2. – С. 190-196.

2. Буренкова О. М. Генезис развития группового обучения и обучения в сотрудничестве в контексте исследований Американских и британских педагогов / О. М. Буренкова, Э. Н. Гилязева // Педагогические науки. – 2017. – № 5(86). – С. 24-27.

3. Гимадеева Э. Н. Возможности технологии Webquest в обучении иностранным языкам / Э. Н. Гимадеева, Э. Н. Гилязева // Современное профессиональное образование: опыт, проблемы, перспективы: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Ростов-на-Дону, 22 марта 2021 года. Том Часть 1. – Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), «Издательство ВВМ», 2021. – С. 182-185.

4. Исаева Н. А. Новые способы организации образовательного пространства урока: цифровой краеведческий сторителлинг / Н.А. Исаева, А.В. Овчинникова, А. С. Тимашова // Русский язык в школе: научно-методический журнал: ООО «Наш язык», 2024. – N 3. – С. 17-25.

5. Назарова О. С. Цифровой сторителлинг как современная образовательная практика / О. С. Назарова // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2018. – Т. 24, № 2. – С. 314-321.

6. Никифорова М. В. Технология цифрового сторителлинга в обучении студентов неязыковых вузов иностранному языку / М. В. Никифорова // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2024. – № 09 (98). – С. 131-137.

7. Подофедова А. С. Цифровой сторителлинг («повествование с использованием мультимедийных технологий») как новая цифровая коммуникативная технология в образовательном процессе / А. С. Подофедова // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития: сборник научных статей. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2022. – С. 343-349.

8. Токтарова В. И. Цифровой образовательный сторителлинг: возможности и перспективы / В. И. Токтарова, Д. А. Семенова // Казанский педагогический журнал. – 2023. – № 1(156). – С. 57-67.

9. Чэнь Ц. Особенности российской журналистики в эпоху новых медиа / Ц. Чэнь // Начала Русского мира. – 2024. – № 1. – С. 32-37.

10. Faigley L., Kress G., & Leeuwen T. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication / L. Faigley, G. Kress, T. Leeuwen // College Composition and Communication. – 2002. – Vol. 54. – P. 318.

11. Kovach B. The Elements of Journalism: What Newspeople Should Know and the Public Should Expect / B. Kovach, T. Rosenstiel. – New York: Crown Publishing Group, 2021. – 352 p.

12. Maslennikova E. G. Virtual Universities in the Educational Space: The Relationship between Development Strategies and Models / E. G. Maslennikova, E. N. Gilyazeva, S. Shishov [et al.] // Webology. – 2021. – Vol. 18, No. Special Issue. – P. 222-232.

13. Smith J. A. The Validity and Reliability of Likert Scales in Psychological Research: A Comprehensive Review / J. A. Smith, R. B. Johnson // Journal of Psychological Assessment. – 2021. – Vol. 12, No. 4. – P. 123-145.

14. Zhang Y. Multimodal Composing and Second Language Acquisition / Y. Zhang, J. Williams // Language Teaching. – Cambridge, 2023. – Vol. 56, No. 3. – P. 345-362.

УДК 81-23

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АВТОСТЕРЕОТИПОВ В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Прокофьева Ольга Владимировна
Аспирант кафедры германской и романской филологии,
Государственный университет просвещения,
г. Москва, Российская Федерация

Цель исследования заключается в сравнительно-сопоставительном анализе способов выражения автостереотипов в лексико-фразеологической системе индоевропейских языков.

Ключевым исследовательским методом стал метод сравнительно-сопоставительного анализа, с помощью которого были выявлены различные способы выражения автостереотипов в лексико-фразеологической системе английского, немецкого, испанского и русского языков. Метод классификации применялся для последующей обработки полученных данных.

Выявлено, что основным способом выражения автостереотипов в лексико-фразеологической системе исследуемых языков являются акты предикации и атрибутивные выражения, образованные от этнонимов. Кроме того, в текстах СМИ могут быть обнаружены автостереотипы фразеологического типа.

Теоретическая и практическая значимость заключается в осуществленной классификации способов репрезентации автостереотипов. Полученные данные расширяют наши знания о парадигматическом взаимодействии языковых средств, отражающих стереотипы в различных лингвокультурах. Результаты исследования могут быть применены на занятиях по иностранному языку, лингвокультурологии, прикладной лингвистике, межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: этнические стереотипы, автостереотипы, лексико-фразеологическая система языка, СМИ, стереотипы фразеологического типа, стереотипы нефразеологического типа, лингвокультура, классификация

WAYS OF REPRESENTING AUTOSTEREOTYPES IN THE LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL SYSTEM OF INDO-EUROPEAN LANGUAGES

Prokofieva Olga Vladimirovna
Postgraduate student at Department of German and Roman Philology,
State University of Education,
Moscow, Russian Federation

To classify the ways of expressing autostereotypes in the lexico-phraseological system of Indo-European languages.

The key research method was the method of comparative analysis, which revealed various ways of expressing autostereotypes in the lexical and phraseological system of the language. The classification method was used for the subsequent processing of the data obtained.

It is revealed that the main way of expressing autostereotypes in the lexical and phraseological system of the researched languages are acts of predication and attributive expressions formed from ethnonyms. In addition, autostereotypes of phraseological type can be found in media texts.

Research implications consists in the classification of ways of representing autostereotypes. The data expand our knowledge of the paradigmatic interaction of

linguistic means reflecting stereotypes in various cultures. The research results can be applied in foreign language classes, cultural linguistics, applied linguistics, and intercultural communication.

Keywords. ethnic stereotypes, autostereotypes, lexical and phraseological system of language, mass media, stereotypes of phraseological type, stereotypes of non-phraseological type, linguoculture, classification

*****

В эпоху глобализации межкультурный диалог становится все более актуальным. Не последнюю роль в нем играют стереотипы. Проблема этнических стереотипов имеет междисциплинарный характер. Она рассматривается в лингвистике, социологии, психологии, межкультурной коммуникации.

Стереотипы содержат в себе особенности восприятия представителей собственного и чужого народов. Их реализация происходит в языке, литературе, фольклоре, искусстве и т.д.

Особое внимание роли стереотипов стали уделять лишь в XX веке. Тогда У. Липпман в своей работе «Общественное мнение» впервые ввел понятие стереотип. Под стереотипом он понимал «упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой картинки мира в голове человека» [5]. Однако Уолтер Липпман рассматривал стереотипы в широком смысле. Затем они получили дальнейшую разработку. На сегодняшний день выделяют этнические, гендерные, профессиональные, возрастные и другие типы стереотипов [1; 2; 3; 6; 7].

А. П. Чудинов справедливо заметил, что «стереотипы возникают в силу действия двух тенденций человеческого сознания: стремления к конкретизации, то есть сближению абстрактных сущностей с какими-то конкретными образами, и тенденции к упрощению, редукционизму, суть которой сводится к выделению нескольких признаков в качестве ведущих для обозначения сложных явлений» [12, с. 46].

Стереотипы могут быть обнаружены не только на уровне отдельных лексических единиц. В качестве стереотипизированных могут выступать целые тексты. В нашем исследовании были обнаружены автостереотипы в лексико-фразеологической системе индоевропейских языков.

Особенно интересными для лингвистических исследований представляются сравнительно-сопоставительные анализы текстов СМИ. В последнее время изучение репрезентации этнических стереотипов в медиапространстве становится все более актуальным. Это связано, в первую очередь с процессами глобализации, упрочнения связей между странами, а также с геополитической ситуацией.

Как отмечают В. О. Попова и Е. А. Белезина, к основным функциям социального стереотипа относится манипулирование общественным сознанием, что особенно актуально для политического дискурса [8].

К основным функциям политического дискурса относят персуазивную, информативную, аргументативную функцию. Несмотря на то, что основной целью текстов СМИ является донесение информации до читателя, персуазивная функция играет не последнюю роль в текстах прессы и публицистики.

Трудно не согласиться с мнением А. П. Чудинова, который считает, что основная цель политической коммуникации заключается в политической борьбе за власть [12]. Вследствие функции убеждения возникают стереотипы, необходимые для создания некого образа в сознании читателя. В то же время информативная функция уходит на второй план.

Экономические и политические стереотипы, намеренно применяемые в текстах СМИ с целью изменения сознания людей и достижения определенных политических целей, также можно отнести к политической коммуникации. При этом объективная подача фактов в СМИ практически отсутствует. Почти все сообщения

сопровождаются оценкой, они эмоционально окрашены. Это способствует формированию стереотипов.

Несмотря на то, что стереотипы, как правило, обладают устойчивостью, стереотипы в текстах СМИ могут изменяться вместе с меняющейся ситуацией на международной арене. Этим обусловлена актуальность изучения этнических стереотипов в текстах прессы и публицистики [8].

Общество прибегает к стереотипизации в связи с нехваткой информации, экономией времени и усилий.

В лингвистике стереотипы рассматриваются с точки зрения психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, политической лингвистики, языкознания, лингвокультурологии.

Каждая из наук рассматривает стереотипы под собственным углом зрения. Вследствие чего существуют различные классификации стереотипов. К ним относят стереотипы-образы и стереотипы-ситуации, поверхностные и глубинные стереотипы.

Ута Квастхофф предлагает собственную классификацию стереотипов. Она выделяет когнитивные, эмоциональные, поведенческие, социальные и культурные стереотипы [4]. Также она выделяет два основных типа стереотипов в языке: фразеологические и нефразеологические. Автор различает две группы стереотипов: фразеологического и нефразеологического типов. Она также уделяет особое внимание стереотипам-высказываниям и текстовым стереотипом.

В языке стереотипы закрепляются на разных уровнях: синтаксическом, парадигматическом, лексическом, фразеологическом [10; 11; 13; 14]. Последние два являются объектом данного исследования. Вербализация автостереотипов достигается путем использования различных лексико-фразеологических средств. На лексическом уровне они зачастую выражаются при помощи этнонимов, отэтнонимных прилагательных, топонимов и антропонимов.

А. В. Прожилов в статье «К вопросу о стереотипах в лингвистике» выделяет следующие типы вербализации стереотипов: слова, в свёрнутой форме содержащие этноним, атрибутивные словосочетания, генитивные словосочетания, сравнительные обороты [9].

Проблема изучения этнических стереотипов в качестве лингвистического аспекта и его языковой стороны является малоизученной. Это побудило нас создать собственную классификацию средств выражения стереотипов в лексико-фразеологической системе языка, опираясь на вышеупомянутые классификации.

Классификация этнических стереотипов в лексико-фразеологической системе индоевропейских языков

При разработке классификации мы опирались на классификацию А. В. Прожилова, дополненную другими языковыми средствами, обнаруженными в нашей выборке [9].

Представляется возможным выделить 2 группы стереотипов: фразеологического и нефразеологического типов. Стоит отметить, что в текстах газетного дискурса исследуемых индоевропейских языков преобладают стереотипы нефразеологического типа. К ним мы относим безэквивалентную лексику, акты предикации, атрибутивные словосочетания, образованные от этнонимов, этнофолизмы, генитивные словосочетания, а также некоторые стилистические приемы: гиперболизированные высказывания, метафоры и олицетворения.

В нашем исследовании были обнаружены различные способы выражения этнических автостереотипов на материале английского, немецкого, испанского и русского языков, а также проведен сравнительно-сопоставительный анализ лексико-фразеологических языковых средств, использованных с целью вербализации образа Великобритании, Германии, Испании и России. Материалом исследования послужили выявленные стереотипы из текстов газет The Guardian, The Times, Deutsche Welle, Focus online, El Mundo, Риа новости [15; 16; 17; 18; 19; 20].

Согласно разработанной классификации в британской лингвокультуре были обнаружены следующие способы выражения автостереотипов:

Безэквивалентная лексика. В нашей выборке безэквивалентная лексика касалась преимущественно британского общественно-политического строя: *public school, Brexit, Brexit reset, the Conservatives, the Labour Party, Labour MP*.

Более продуктивным способом выражения автостереотипов в английском языке являются акты предикации. К ним можно отнести следующие примеры: *Britons are deemed tolerant and multicultural, the typical Brit only gets 46 minutes of free time a day, Brits are news shunner, Britain is the dustbin of Europe, cleverness is a very British trait, Britain is a beacon of stability in Europe*.

Этот способ выражения стереотипов встречается наиболее часто, так как именно текстовые стереотипы являются наиболее распространенными.

В текстах СМИ представлены также некоторые атрибутивные словосочетания, описывающие национальный характер британцев: *British pride and honesty, British humour, british self-posession*.

Концепты, характерные для британской лингвокультуры отражают британский общественно-политический строй. Поэтому часть стереотипов связана именно с классовым неравенством и королевской семьей: conservative *old elite, the global elite, a class of winners and losers, the Royal family*.

Помимо вышеупомянутых способов выражения стереотипов, в нашей выборке широко представлены различные стилистические приемы, необходимые для эмоционального воздействия на читателей. К ним можно отнести:

Метафоры: *the dustbin of Europe, a financial derailment, Britain is a beacon of stability in Europe*.

Эмоционально окрашенные словосочетания: *endless infighting, new elite obsession, privileged winners*, *sick humour, an attack on local democracy*.

Стереотипы фразеологического типа также были обнаружены в текстах прессы и публицистики. Однако фразеологические единицы редко используются в текстах СМИ. Наиболее часто их можно встретить в комментариях официальных лиц и заголовках: *to work round the clock, live and let live, reach out a hand of friendship, suffer fools gladly, to pull someone's leg, to pay the price, a punch in the guts*.

Исходя из нашей выборки, можно сделать вывод, что в текстах официальных британских СМИ подбор языковых средств осуществляется с целью создания преимущественно положительного образа страны. Однако имеют место и отдельные отрицательные характеристики, вербализуемые путем использования экспрессивных словосочетаний и метафор.

Стереотипы в текстах немецких СМИ также можно разделить на стереотипы фразеологического и нефразеологического типов.

К стереотипам нефразеологического типа можно также отнести:

Безэквивалентную лексику: *Bundesland, Bundeskanzler, AfD, CDU, grüne Partei, Ossi, Wessi, Nachhaltigkeit, perfekt nachhaltig sein, Ostalgie, die BRD, das Deutsche Reich*.

Акты предикации, которые, как и в текстах британских СМИ, являются наиболее продуктивным способом создания образа Германии и немцев: *die Deutschen sind Schnäppchenjäger, Deutsche sind bereit, für die Freiheit zu leiden, viele Deutsche seien fremdenfeindlich und bigott, die Deutschen sind Genies, die Deutschen sind zu direkt*.

Акты предикации используются с целью описания наиболее типичных автостереотипов о немцах. Они подчеркивают прямоту, свободолюбие, экономность и смекалку жителей Германии.

Широко применяются в газетном дискурсе немецкого языка и атрибутивные словосочетания, образованные от отэтнонимного прилагательного: *die deutsche Bürokratie, deutsche Wirtschaft wird schrumpfen, deutsche Wirtschaft wächst, strenge deutsche Regeln, ein deutsches Totenreich, deutsche Seelenlandschaft, biodeutsch sein, die deutsche direkte Kommunikation*.

Примеры, найденные в текстах немецких СМИ, представляют собой как положительные, так и отрицательные стороны жизни немцев, указывая на нейтральную самооценку народа.

В лексико-фразеологической системе немецкого языка было выявлено большое количество сравнительных оборотов с отэтнонимными прилагательными: so

wahrscheinlich wie ein deutscher Sieg, schwer wie ein deutscher Erfolg, sich so benehmen wie eine Deutsche, wie ein deutscher Verwandter für Umweltschutz werben.

Такой способ выражения автостереотипов не характерен для остальных исследуемых лингвокультур.

Среди концептов, представленных в текстах немецких СМИ, можно выделить следующие: *Demokratie, Bürokratie, Rassismus*.

Они отражают наиболее важные стороны жизни в Германии.

Несмотря на то, что применение этнофолизмов (оскорбительных наименований) не характерно для автостереотипов, в текстах немецких СМИ было обнаружено такое языковое явление, мотивированное именем политического деятеля: *Scholzomat-Standards.*

Особое внимание стоит уделить применению стилистических приемов для выражения автостереотипов. Например, метафорический перенос и персонификация, используются с целью создания определенного образа страны: *Deutschland müht sich aus der Krise, Schnäppchenjäger, Politik als Kampfsport machen.*

Среди немецких автостереотипов в нашей выборке также были выявлены автостереотипы фразеологического типа, отражающие национальное сознание немцев. К ним можно отнести следующие примеры: *fast Pleite sein, der deutsche Michel, so schnell schießen die Preußen nicht, pünktlich auf die Minute, einen Betrag auf die Seite legen, in der Kritik stehen, sich im Bürokratie Dickicht verstricken, den Kopf hinhalten, sich hinter Phrasen verstecken.*

Автостереотипы в текстах испанских СМИ также были классифицированы по группам. В испанской линговокультуре нами были выделены следующие способы репрезентации стереотипов:

Безэквивалентная лексика: *siesta, tapas, señor/a, doña, alcalde, querido, el alcalde, paella, sangria, ocupas.*

Акты предикации, которые также оказались наиболее распространенным способом выражения этнических стереотипов в лексико-фразеологической системе испанского языка: *los españoles trabajan solo un poco más que el promedio europeo, los españoles son muy voceras, los españóles siempre llegan tarde, los españoles son vagos.*

В испаноязычных СМИ также как и в других языках распространены атрибутивные словосочетания: *el estilo de vida español de siesta, la economía española, las mujeres españolas sufren.*

К прочим интересным особенностям можно отнести тот факт, что испанские СМИ часто прибегают к превосходной степени прилагательных, гиперболизируя заслуги Испании: *los españoles trabajan solo un poco más que el promedio europeo, más bien técnica, el país europeo más afectado por el cambio climático, más exigentes y de un puñado de coquetos*. Такой способ выражения стереотипов отсутствовал в остальных лингвокультурах.

Концепты, отражающие социальные ценности (семья, брак), гастрономию и туризм: *la vocación al matrimonio, , la paternidad y la maternidad, un rico patrimonio, una gastronomía que seduce hasta a los paladares más exigentes.*

В нашей выборке были обнаружены также стереотипы фразеологического типа, хотя в испанском языке они были представлены не так широко: *vender humo, dar en clave, construir castillos de cartas, trabajar codo con codo.*

В русской лингвокультуре этнические автостереотипы представлены следующими способами:

Безэквивалентная лексика, отражающая реалии России и национальную культуру страны: *хохлома, матрёшка, на авось*.

Атрибутивные словосочетания, образованные от этнонимов: *русские народные костюмы, русская печь, русские ребята, «русская угроза», русский промысел, российское качество*.

Большое количество стереотипов в текстах российских газет представлены актами предикации. Они позволяют в наиболее развернутой форме дать характеристику стране и населению страны: *российская экономика*

адаптировалась к новым санкциям, Россия – мощная страна, Россия предпримет все необходимые меры для защиты, Россия столкнулась с колоссальными вызовами, Россия обладает необходимым потенциалом, Россия – большая страна, Россия легко переживет, поставить Россию на колени – нереальная, невыполнимая идея.

Стоит отметить, что акты предикации зачастую построены на олицетворении. Этот стилистический прием наделяет страну качествами человека, столкнувшегося с трудностями и борющегося за свои права.

Среди концептов, характерных для российских СМИ, стоит выделить концепты, связанные с гражданственностью и патриотизмом: *быть гражданином своего государства, великий патриот*.

Все приведенные примеры указывают на концепты, преобладающие в лексико-фразеологической системе русского языка: самоидентичность, государственная политика. События, происходящие в стране в настоящий момент, приводят к необходимости создания образа России, как сильного государства, подчеркивают роль государства в защите интересов граждан и роль каждого россиянина в борьбе за свою независимость и национальное самосознание.

С фразеологической точки зрения, стереотипы в текстах российских СМИ выражаются при помощи следующих стереотипов: *на авось, гладко стелет, да колючки, доверяй, но проверяй, земля обетованная, набивать карман* (в контексте адаптации к новым санкциям). Однако стереотипы фразеологического типа из нашей выборки находят отражение исключительно в цитатах или заголовках. Для текстов СМИ такой способ выражения отношения к стране не является типичным.

Сравнительно-сопоставительный анализ результатов

Сопоставив результаты исследования, можно прийти к выводу, что в британской, немецкой, испанской и русской лексико-фрезологической системе основным способом репрезентации автостереотипов являются акты предикации. Они позволяют наиболее подробно выразить отношение к стране, могут быть эмоционально окрашены, оказывая влияние на читателя. Акты предикации помогают передать информацию о субъектах, их состояниях, действиях и оценках, что делает текст более информативным и выразительным.

Кроме того, во всех четырех линвокультурах продуктивным способом выражения автостереотипов оказались отэтнонимные атрибутивные выражения. Чаще всего они используются с целью выражения положительной характеристики народа. Однако в немецком языке были выявлены и некоторые отрицательные примеры.

Этнические автостереотипы фразеологического типа также применяются в каждом из исследуемых языков. Фразеологизмы всегда имеют национально-культурный компонент и наиболее ярко отражают культуру страны. Однако стереотипы фразеологического типа не преобладают в нашей выборке.

Что касается дифференциальных признаков, то здесь стоит обратить внимание на применение сравнительных оборотов с отэтнонимными прилагательными в немецком языке, гиперболизированного выражения образа страны в испанском языке, а также наиболее частотного использования олицетворений в текстах русского языка.

Эти приемы позволяют подчеркнуть уникальность каждой лингвокультуры, акцентировать внимание на наиболее острых вопросах.

Осуществлённый согласно цели исследования сравнительно-сопоставительный анализ способов выражения автостереотипов в лексико-фразеологической системе индоевропейских языков позволяют сделать некоторые выводы.

Представим результаты исследования в виде таблицы и прокомментируем её.

Таблица 1 - Способы выражения автостереотипов в лексико-фразеологической системе индоевропейских языков

	Безэквивалентная лексика	Акты предикации	Атрибутивные словосочетания	Концепты	Фразеологические единицы	Особые способы выражения стереотипов, характерные для языка
Английский	10,2%	35, 6%	6,7%	13,6%	11,8%	Эмоционально окрашенные словосочетания – 16,9% Метафоры – 5,2%
Немецкий	18,7%	33,4%	12,4%	4,6%	13,8%	Метафоры – 4,6% Сравнительные обороты с отэтнонимными прилагательными – 12,4% Этнофолизмы – 0,1%
Испанский	20,3%	39,5%	8%	11,2	10,5%	Превосходные степени сравнения – 10,5%
Русский	7,9 %	37,5%	15,7%	20,4%	18,5%	-

1. В основном стереотипы получают свое выражение за счет применения актов предикации.

2. Одним из распространенных способов вербализации автостереотипов нефразеологического на материале английского, немецкого, испанского и русского языков является использование атрибутивных выражений. Однако в разных языках процентное соотношения данного способа выражения стереотипов различается.

Именно эти два типа позволяют наиболее подробно раскрыть основные национально-культурные аспекты, характерные для представителей каждой из этих стран.

3. Широко распространено использование безэквивалентной лексики, которая всегда имеет национально-культурный компонент.

4. Автостереотипы фразеологического типа не являются преобладающим способом выражения автостереотипов. Однако они часто встречаются в заголовках и цитатах текстов прессы и публицистики.

Кроме того, следует отметить, что несмотря на то, что основной функцией текстов СМИ должна быть функция информирования, тексты СМИ часто прибегают к оценочным суждениям и экспрессивной лексике, тем самым воздействуя на читателей.

Примечателен тот факт, что бóльшая часть используемых средств выражения стереотипов направлена на создание положительного образа исследуемых стран, что подтверждает теорию о том, что автостереотипный образ страны, как правило, обладает положительной оценкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусева А.Е., Прокофьева О.В. Этнические стереотипы в текстах немецких и британских СМИ // Вопросы современной лингвистики. М.: ГУП. 2023. № 6. С.21-29. https://elibrary.ru/item.asp?id=60056166

2. Денисова Г. В. Социокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. № 3. С. 127–148.

3. Жуковская Н. В., Нужнова Е.Е. Языковые средства отражения этнических стереотипов в современных СМИ // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 1. С. 74–81.

4. Квастхофф У. Социальный предрассудок и коммуникация – лингвистический анализ стереотипа / У. Квастхофф // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»: сборник статей. / сост. А.В. Павлова. СПб., 2013. С. 113–137.

5. Липпман У. Общественное мнение. М.: ИФ «Общественное мнение», 2004. 384 с.

6. Ма Т. Ю., Белан Д. А. Этнические стереотипы в материалах сайта CNN в 2011-2022 гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. №11. С. 4062–4069.

7. Новиков А. Л., Новикова И. А. Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. С. 977-988. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989.

8. Попова В. О., Балезина Е.А. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 2. С. 88-93.

9. Прожилов А. В. К вопросу о стереотипах в лингвистике // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2013. № 6. С. 78–82.

10. Серегина М. А. Стереотипы лингвокультурного сообщества в зеркале немецкой паремиологии // Филология: научные исследования. 2020. № 3. С. 74 – 81.

11. Хатхе А., Читао И., Аутлева Ф., Хуажева Н., Тешева М., Шхалахова Р. Национально-культурная специфика во фразеологии // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. №49-3. С. 21-23.

12. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Москва: Флинта, Наука, 2012. 256 с.

13. Camiel J. Beukeboom, & Christian Burgers. How stereotypes are shared through language: a review and introduction of the aocial categories and stereotypes communication (SCSC) framework. Review of Communication Research. 2019. P. 1-37

14. Simo Määttä. Linguistic and discursive properties of hate speech and speech facilitating the expression of hatred: Evidence from Finnish and French online discussion boards. Internet Pragmatics. 2023. P. 156 – 172.

15. Риа Новости [сайт]. URL: https://ria.ru/ (дата обращения: 08.06.2024).

16. Deutsche Welle: [сайт]. URL: https://www.dw.com/de (дата обращения: 08.06.2023).

17. El Mundo: [сайт]. URL: https://www.elmundo.es/espana.html (дата обращения: 08.06.2023).

18. Focus Online: [сайт]. URL: https://www.focus.de/ (дата обращения: 08.06.2023).

19. The Guardian: [сайт]. URL: https://www.theguardian.com/international (дата обращения: 08.06.2023).

20. The Times: [сайт]. URL: https://www.thetimes.co.uk/ (дата обращения: 08.06.2023).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Файл с текстом статьи должен иметь расширение *.doc или *.docx. Разметка страницы: поля со всех сторон 2 см, ориентация книжная, формат А4. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер (кегль) 14, абзацный отступ 1,25 см, межстрочный интервал полуторный с использованием автоматической расстановки переносов. Аннотация (от 100 до 150 слов); ключевые слова на русском языке (от 8 до 15 слов). Название статьи, аннотация, ключевые слова, сведения об авторах должны быть переведены на английский язык.

Исключить громоздкие цифровые и формульные таблиц ы, а также рисунки, более, чем на 0,5 страницы. Все таблицы и рисунки должны быть в тексте, подписаны, ссылки на них по тексту обязательны.

Список использованной литературы составляется по алфавиту в конце статьи в соответствии с ГОСТ. Источников литературы не менее 10 источников. Ссылки на литературу в тексте отмечаются арабскими цифрами в квадратных скобках.

В статье должны быть указаны следующие сведения о каждом авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); место работы и должность; ученая степень; домашний адрес (если необходимо почтовый экземпляр); контактный телефон; адрес электронной почты. Название ВУЗов полностью, без сокращений.

Максимальное число авторов в статье – 4.

Процент авторского текста должен составлять не менее 75%.

Текст статьи должен включать в себя следующие обязательные компоненты:

- индекс УДК (универсальной десятичной классификации). Желательно, чтобы индекс УДК автор подбирал совместно со своим научным руководителем, поскольку индекс влияет на отнесение статьи к той или иной специальности, что важно для учета публикаций при защите диссертации;
- авторские метаданные (Ф.И.О. автора (авторов), сведения о месте работы с полным названием учреждения (учреждений), город и государственная принадлежность);
- название публикации (не следует использовать в названии формулы, а также сокращения и аббревиатуры);
- аннотацию. Ее объем аннотации должен составлять 100–150 слов. В аннотации содержится конкретное и краткое изложение проведенного исследования и его результатов. Допускается отсутствие аннотации в текстах рецензий, отчетов, обзоров, отзывов и иных подобных материалов;
- блок ключевых слов (не менее 8 и не более 15 единиц). Ключевые слова выстраиваются в первую очередь по значению, во вторую – в алфавитном порядке;
- собственно текст статьи;
- сведения об источниках финансирования исследования (при наличии): номер и наименование гранта, организация-грантодатель;
- список использованных при подготовке статьи источников (литературы);
- сведения о дате подготовки статьи.

Для публикации в журнале необходимо направить на адрес электронной почты: Acabem.rus@yandex.ru текст статьи на рецензирование. Название файла -фамилия первого автора

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна
Издательство: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»,
Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1
Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289
Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ
ISSN электронного сетевого издания 3034-1337
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.
E-mail: Acabem.rus@yandex.ru
Вебсайт: https://rostizdat.ru/nachala-russkogo-mira/
Подписано в печать 20.12.2024г. Выход в свет 31.12. 2024г., объем 7,63 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 029-24/17.
Цена свободная

ISSN 3034-1337

9 773034 133006 >